

НАНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

№1.2023

12+

НАНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

Уважаемые читатели!
В номере приводятся аяты из Священного Корана.
Просьба обращаться с журналом бережно.
ГАУ "Издательский дом"

1. 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТЬ

Хусейн АЛИЕВ.
Тогда все мечтали о мире. /2/

НОХЧИЙН МЕТАН ШО

ДАКАЕВ Салидбек.
Къонахчух дош. /Поэма/ /5/
МУСАЕВ Сулиман.
Хъайбийн чам муха хуьлу? /Дийцар/ /8/
ЮСУПОВ Руслан.
Харжам. /Дийцар/ 17/

ЛИРА

Ваха ИТАЕВ.
Песня мамы. /11/
Анжела ВИТЕЛЬХАНОВА.
В память о бабушке Аюле. /22/
Микаил ЭЛДИН.
Я нарисую красками печали. /26/

ПРОЗА

Адам САЛАХАНОВ.
Недогоревшая петля. /Рассказ/. /33/

КУНАЦКАЯ НАНЫ

Мухадин БЕМУРЗОВ.
Матери. /43/
Салих ГУРТУЕВ.
Кавказ. /64/

ПУБЛИЦИСТИКА

Нана СААКАШВИЛИ.
Бацбийцы. /45/
Ибрагим ГАМЗАТОВ.
Аккорды жизни. /Очерк/. /50/

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПОДМОСТКИ

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА.
«...А если разлюблю –
настанет хаос». /57/

КУЛИНАРНАЯ СТРАНИЦА

Кухня народов мира /68/

Память

Хусейн АЛИЕВ

Тогда все мечтали о мире...

Итоги двух войн, огненным катком прокатившихся по Чеченской Республике, до сих пор не осмыслены в полной мере. Тысячи убитых и раненых. Разрушены города, села и почти вся инфраструктура жизнеобеспечения. Сотни тысяч жителей республики, лишившись крова и имущества, стали беженцами. Те, которые по разным обстоятельствам не покинули свой дом, зачастую разрушенный или полуразрушенный, вынуждены были искать способы выживания. Ни денежных средств, ни продовольственных запасов у оставшихся на территории военных действий жителей не было. И в этих условиях патриоты чеченского народа, каждый на своем месте, вносили свой вклад в достижение мира. Неоценимый вклад в этот процесс внес Первый Президент Чеченской Республики Герой России Ахмат-Хаджи Кадыров (Дала глазот къобалдойла цуьнан!), который заложил прочный фундамент для восстановления, развития и улучшения благосостояния населения республики. Благодарный чеченский народ помнит, как Ахмат-Хаджи, не жалея сил и здоровья, боролся за прекращение войны и установление мира на нашей многострадальной земле.

Отдавая дань уважения патриотам, не жалевшим своих сил, здоровья и жизни ради созидательного будущего своего народа, мы обязаны помнить их подвиг ради своего отечества. очевидцы тех трагических событий помнят и хранят память о них. Никто не хотел войны, но нам ее навязали разного рода политические авантюристы и международные террористы.

Возвращаясь к тому драматическому периоду в истории чеченского народа, хотелось бы вкратце рассказать о встречах и отзывах людей, в разные годы непосредственно знавших Ахмат-Хаджи Кадырова.

Мои родственники, которые учились в Калининском СПТУ-17 с Ахмат-Хаджи, характеризовали его как человека с ярко выраженными лидерскими качествами. По их рассказам, он удивительно легко находил общий язык со всеми. Любой спор или конфликт он улаживал быстро и по справедливости, показывал личный пример в учебе и поведении, за что пользовался огромным уважением среди учащихся и педагогического коллектива.

С теплотой отзывался об Ахмат-Хаджи Кадырове бывший министр здравоохранения Чеченской Республики Увайс Магомадов, который знал его и имел дружеские отношения с ним в годы его учебы в Бухаре. По его словам, Ахмат-Хаджи проявлял усердие в учебе, аккуратность в быту, в общении был скромным, всегда держал данное им слово.

Мне, автору этих строк, запомнилось выступление Ахмат-Хаджи Кадырова на встрече с жителями станицы Ищерская Наурского района после заключения «Хасавюртовского мирного договора» в конце 1996 года (в те годы я работал главой администрации ст. Ищерская). Жители станицы восторженно приветствовали и внимательно слушали пламенную речь Ахмат-Хаджи Кадырова, которая была наполнена большим смыслом, заботой о мире и будущем

республики и народа.

– Навязанная нам война унесла десятки тысяч жизней, – говорил он, – очень много израненных, искалеченных судеб, разрушены города, села, экономика, социальная инфраструктура. Сегодня нам нужен прочный мир и дружеские отношения со всеми регионами России. А чтобы добиться этого, нам необходимо сплотиться и показать всему миру, что мы единая нация, способная сделать осознанный выбор.

Это яркое, эмоциональное выступление Ахмат-Хаджи с большим пониманием и одобрением было встречено всеми жителями станицы, присутствовавшими на встрече.

После прошедших выборов чеченский народ надеялся, что мир и созидательная жизнь надолго воцарилась в республике. Но, к сожалению, их надежды не оправдались. Вновь война вторглась в пределы Чечни. В этот тяжелый для республики период нужен был лидер, который пользовался бы доверием и авторитетом чеченского народа. И этот ответственный и тяжелый выбор пал на Ахмат-Хаджи Кадырова, который не только остановил войну, но и добился объединения народа на пути мира и созидания, заложил прочный фундамент развития республики. Он сказал: «Я хочу не только остановить войну, моя цель – покончить с ней навсегда!»

– Чтобы покончить с преступностью и беззаконием, – говорил Ахмат-Хаджи, – необходимо создать все ветви власти и, в первую очередь, наладить судопроизводство.

Он неоднократно посещал Верховный суд и Судебный департамент, оказывал всестороннюю поддержку и помощь в налаживании юридической службы республики. В результате такого внимания и заботы суды республики заработали в кратчайшие сроки.

В период работы в мэрии г. Грозного мне довелось присутствовать во время бесед, в ходе которых Председатель Государственного совета ЧР Хусейн Исаев, бывший мэр столицы республики Олег Жидков и многие другие очень высоко оценивали деятельность Ахмат-Хаджи Кадырова. И все они отмечали мудрость и настойчивость Ахмат-Хаджи Кадырова в решении вопросов любого характера, в стремлении достичь мира всеми доступными мерами.

Тогда все мечтали о мире, прекращении военных действий, зачисток, незаконных задержаний, справедливом отношении и многом другом.

Руководство республики, работники государственных учреждений, правоохранительных органов, представители средств массовой информации и других сфер жизнеобеспечения республики выполняли свои обязанности, рискуя жизнью и здоровьем. Тысячи достойных сынов и дочерей чеченского народа погибли, стали инвалидами, выполняя свой служебный и гражданский долг. Среди них немало достойных и уважаемых людей мирных профессий: врачи, учителя, журналисты, представители духовенства и рядовые жители. Наш святой долг помнить и чтить память погибших во имя чеченского народа, чтобы извлечь уроки и никогда не допустить кровопролития на многострадальной земле наших предков. Помнить во имя мира, единства, дружбы и добрососедских отношений со всеми народами.

Отдавая дань памяти всем тем, кто пожертвовал своей жизнью во имя сегодняшнего нашего благополучия, выполняя свой человеческий долг, назову имена двух человек, которых знал близко, как порядочных и уважаемых людей. Это руководитель госхоза «Калиновский»

Арби Амаев, трагически погибший при покушении на А.-Х. Кадырова в с. Иласхан-Юрт Гудермесского района, и советник Председателя Правительства ЧР Заур Мутиев, также трагически погибший во время чудовищного террористического акта 9 мая 2004 года (Дала г1азот къобалдойла церан!).

Жители республики были активными участниками всех масштабных мероприятий, направленных на восстановление разрушенных городов и сел. Народ целиком и полностью поддерживал усилия Ахмат-Хаджи Кадырова по установлению мира, порядка и стабильности в республике.

Путь мира и созидания, начатый Ахмат-Хаджи Кадыровым, достойно продолжил его сын – Глава Чеченской Республики, Герой

России Рамзан Ахматович Кадыров. Результаты позитивных преобразований очень скоро стали видны во всех областях и сферах жизнедеятельности республики. Под его руководством мы сегодня живем в мире и согласии, республика стремительно развивается во всех областях. Города, села, социальная инфраструктура в кратчайшие сроки восстановлены, продолжается строительство современных объектов по всей республике, благосостояние народа улучшается с каждым днем. Эти успехи и достижения стали возможны благодаря пути, проложенному Первым Президентом Чеченской Республики Героем России Ахмат-Хаджи Кадыровым (Дала г1азот къобалдойла цуьнан!), отдавшему свою жизнь во имя достойного будущего своего народа.

Нохчийн меттан Шо

ДАКАЕВ Саидбек
(1951 – 2022)

КЪОНАХЧУХ ДОШ

/Поэма/

Халонаш, харцонаш дуьхьалхIиттарх, стогаллех, доьналлех ца вухуш, халкъо, махко «Къонах» аьлла тиллина сийлахь цIе лелом, шен дахарах чекхваьллачу, нохчийн гIараваьллачу поэтана-йаздар-хочунна Мамакаев Мохьмадна лерина йазйо ас хIара поэма.

Лелайо? – хоттуш,
Цандина куьзганаш
Доьхкира бIаьргех...

ЦабогIуш, боккха,
Ойланаш хьаййна,
Даге къурд байта.

И данне дацара
Набаран гIенах,
Сурта гIехь ма-варра,
Йуьхьдуьхьал гора,
Куьг кхоччехь варий и-м,
Вацара генахь,
Согьахьа вирзина,
Букь тоьхна корак.

Согьахьа бIаьрг тесна,
ЦIе йоккхуш гIаккха,
«Мичара, мила ву?» –
Хаьттира согьа.
Цаваьлла, кийрара
Масех дош доккхуш,
Жоп дала дийзира,
Эхьхетта, вогуш.

Ца гIерта, дош йекха
Сайн байташ йийца,
Къонахех тарвина,
Со цаьрца вийца.
Ас боху, дош ала
Вацахь а говза,
Дуьненан ирс дар-кха
Къонахий бовзар...

Веллахь а, вацахь а,
«И... ву-кха», – аьлла,
Со цуьнга хьаьжжинчохь
Висира воьхна.
Со веа лаьттира,
НеIарехь сецна,
Вистхила ца хIуттуш,
Лаьтта бIаьрг боьгIна.

И вар-кха ас вовза
Сатуьйсусуш хиларг,
Куьг кхоччехь, Теболтан
Лам санна, лаьтташ!
Харцонех дазделла
Дукь белш гIехь Илларх,
Ницкъ тоььнарг, ца вужуш,
Доьналлехь латта.

И вар-кха, къонахийн
МагIаре хIиттош,
ЦIе йоккхуш вийцинарг,
Вуьйцуш верг наха.
Даима нахалахь
ЙуьхькIайчу хIуьттуш,
Лела дош дитинарг
Шел гIаьхьа даха.

Поп санна, онда дегI
ГIантара гIаттош,
Цуо согьа, вистхуьлуш,
Кхайкхира герга:
– Дийцал ахь, цIе муха

Цуо, хьалха йаржийна,
Йийшира гIаккха,
Ас вовшахтийсина
ЭгIаза байташ.
Церан мах хадиьра

Куьгделла: «Сан жима
ДоттагIа!» – аьлла
Со а ву сайн цIарах
Довха дош хезнарг.
И суна дицделла,

Гена ца даьлла, –
Леладо ас иза
Дагах дIатесна.

Къонахчо деллачу
Куьйгера йаьлла,
Йовхо йу хIинца а
Сан куьйгах йуьйлуш.
Дуьненан мах болу
Ирсан кхаж баьлла,
Со Иийна воккхавеш,
Дог курадуьйлуш.

Халкъана, махкана
Сагатдеш, лезна,
Довха дог гIитгадеш
Турпалчу кийрахь
Генара мохь тоьхна,
Аьлла дош хезна,
Лаьмнаш а, цецдевлла,
ЛадоьгIуш Ийра.

Шелоно шакарца
Кадетгаш шийла,
Техь доцчу къиношна
Базбелла бала,
Генарчу Даймахке
Сатуьйсус хийла,
Лайна цуо ца туьгуш
Кочара бала.

Цул тIаьхьа дIадевлларш
КIажошца хьоьшуш,
Хан-зама дIайоьду,
Бергтесна, гена.
ТIулгаш тIе хьаьрк тесна,
Йозанаш доьшуш,

Кхета уьш цахиларх
Дицдаллал къена.

Ехачу ирхенийн
Белшех катуьйсус,
Халонех дуьйцина,
Некъаш ду деха.
Ца къарлуш, Iожаллин
Кхийсаршца къуьйсус,
Даьккхина доьналла
Даима деха.

Органо къонахийн
Ойланаш луйттуш,
Буьрсачу тулгIенийн
КIайн чопеш кхуьйсус.
Куьйсачу кхераш тIе
Йозанаш хIуйттуш,
ТIулгаша шайн маттахь
Къонахий буьйцу...

Генарчу заманан
Йохалла муьйлуш,
ТIулгаш тIе лар тесна,
Йазделла хьаьркаш
Гулдина, тIулгашца
Къамеле вуьйлуш,
Цунна вайн дайн амалш
Карийна цаьрца.

Хьаннашка, даккъашка
Буьрса гIов тесна,
И чуйна йоккха-топ
Ца хеза йуьйлуш,
Махкана, къомана
Сагатдеш, лезна
Къонахчун кийрара

Дилха дог къуьйлуш.

Йукь йехка, шаьлтане
Ца кхийда дада,
И пенах кхозуш йу,
Метгах ца йолуш.
Лестайац и, дегIан
Меженаш кхада,
Кхин цуьнга цхьаммо а
«Стаг ве», – ца олу...

Генара деана,
Сан корак летга,
Мас-Iаьржа чIегIардиг
Цхьаь дуьйцуш дека.
Бос-хаза олхазар,
Товар ду. Кхетга.
Хууш ду, безамо
Ца бойтий бегаш.

ЧIегIардиг, ма-дарра
Ахь дийцахьара,
И вовза аьтту хьан
Мичара баьлла.
Кост эцна хьо хьажош
Даймехкара,
ХIун дара хьобга цуо
ТIаьххьара аьлларг?..

Накъостий, гIовтгалаш,
Ма Iелаш ховший.
Къонахийн сий лара,
Когаш тIе хIитга.
Вай бертахь дехийла,
Дезийла вовшийн,
Ког тийса харцонаш
Дуьххьал ца хIуйттуш!

Даймахко хъакъвина
 Геланча хилла,
 Къонахчо деана
 Даймехкан косташ:
 Мегар дац, боху цуо,
 Лар некъах тилла,
 Дог доккхуш, адамийн
 Даг тѳера восса.

Даймахко хъакъвина,
 Цуо вайга боху.
 Биц ма бе ненан мотт,
 ГИллакхаш къоман.
 ЙУЪХЪАѳржа хИтгавеш,
 Уъш хъеша воГурт,
 Лавтга тѳехъ цаърга хан
 Йаккхийта чомахъ.

Серлонан садогуш,
 Седанах летта,
 Йуъхъца гуш деха ду
 Къонахийн дахар.

Царех дош гулдина
 Вай тѳе-кѳел детташ,
 Дийцаро кхачадац
 Мел гена даларх.

Вайгара схъаэчна,
 Тѳаъхъено кхана
 Замане дуйцур ду
 Къонахех лаэчна.
 Къонахий кхачабахъ,
 Дуъне ду цхъана,
 Доладан да воцуш,
 Духу, хан кхавъчна...

ДоттагИй, накъостий,
 Ма Јелаш ховший.
 ДегІ нисдеш гѳовтталаш
 Къонах тѳевоГуш.
 Вай даъал, сил дукха
 Дезийла вовшийн
 Йуккъешха безаман
 Херо ца йолуш!..

Нохчийн меттан Шо

МУСАЕВ Сулиман

Хъайбийн чам муха хуьлу?

/Дийцар/

– Нани, – ненехъа вирзира Мовли, – со мацвелла!

Кхуьнан хечина йома йуьллуш йоллура нана. Пеша тIехь лаьтгачу жима йай чуьра буха йисна цхьа чами хиллала йолу «чорпа» – хи тIехь кхехкийна ах кана мукх, цхьана татеш тоьхна – йобттира нанас наштаран кеда. Дьобазза-пхьобазза чу Iайг хьабкхна, кад бассийра Мовлис. Чухула дIасахьабжира – кхин йаа хIума йацара.

– Со, ферме йахана, даьхний оьзна йогIу хьуна, кIанте хьажалахь, – аьлла, тиша белехйалларг¹ тIейуьйхина араелира нана.

Нурди цомгуш вара. Гурахь кхо шо кхочуш велахь а, кога вахаза вара. Хьалха, могуш волчу хенахь, беа когара лелара, хIинца иза а дIадаьллера. Воьлхуш а вацара дукха, ша сема волчу хенахь Iадда Iуьллура, ши бIаьрг кьерзош, наггахьа узур а беш.

Кхуьйлира Мовли. Ца дезара цунна кIантаца чохь Iер. Арахьа, немцойн, кхазакхийн, гIазкхийн берашца ловзуш, мацалла мелла а йицлора. Мацалла йан-м массо а хенахь йара. Шена дагадогIуш цкъаллига цкъа вуззалца хIума йиьна вацара Мовли. Чохь хуьлуш йерг, дикка хилча, тахана санна, кийра Iехабалла хIума хуьлура, нанас цхьацца бахьанашца – балхахь кховдийна, йа лулахошка йехна – вовшакхатоьхна.

ГIанта тIеваьлла, корак арахьобжуш Iа Мовли, кест-кеста наб кхетта Iуьллу ваша а тергалвеш. Тийна бу урам. Наггахь хьокхучо махо чан ловзайо. Говрахь вогIу комендант хаалой, дIалечкъа кIант – хьастагIа, Нурди таьIна во-

луш, цунна йуххехь Iе нана цIахь сецча, кхаьрга а веана, дукха буьрса лийра иза нене, балха ара хIунда ца йаьлла бохуш. Цхьа хан йаьлча хьалатаьIна, арахьабжча иза генаваьлла а каравой, йуха а урам тергалбан хуу Мовли. Ведарш чохь хи эцна Совлен, лулара казашка, тIехйолу.

ДIааханчу бIаьста, кетIахь лаьтгаш волчу Мовлина йуххехь цхьанхьара йогIучура сецна, шен тIоьрмиг чу кхевдина схьаэцна Iаж белира цуо кIантана. ХIара, шега кхийдош йерг хIун йу ца хууш, сацавелча: «Бери, бери, не стеснийайсйа», аьлла, боккха цIен Iаж кхуьнан буйна белла, дIаахарара. Сиха чувеана пеш латон гIертгаш йоллучу нене хьаттира Мовлис, куьг хьалха дохуьтуш:

– Нани, хIара хIун йу?

Пеша чу гIий буьллуш йолу нана схьахьабжира:

– Iаж бу-кх. Мичара баьлла хьуна иза?

– Совлена белла, – Iожаха хьажа йаьккхира Мовлис.

– СагIа хийла цуьнан иза! Баа ахьа.

– Хьайна а баккха.

– ХIан-хIа, суна ца беа, – пешехьа дIайирзира нана.

Кхано суьйранна нене хьаттира Мовлис:

– Iаж мичара болу, нани? Стенах бо иза?

– Дитта тIехь кхуьу-кх.

– Кхузарчу дитгаш тIехь ма ца хуьлу уьш!

– Муьлхха а дитта тIе ца болу Iаж. Ша тайпа, Iожан дитта тIе болу. Вайн Кавказехь ма дара уьш, ма чомехь хуьлура! – дагалецамашка йахарара нана. – Вайн Кавказ цхьа йалсамане

хиллера. Цигахь дитта тГе ца йолуш хГун йара
– Iаж, кхор, туьрк, хьач, хьайба...

Мовли велавелира:

– Хьайба муха хуьлу дитта тГехь, нани?!
Иза доккха ма ду, когаш болуш, маIаш йолуш!
Цуо-м дитт кагдийр дай!

– Ахьа дуьйцуьрш хьайбанаш ду, дахний.
Хьайба олуш стом хуьлу, Iожалла болуш.

ХIетахь шашшимма хьехийначу хьайбийн
чам муха хуьлу-те бохуш, ойла йеш, кора-
ха ара бIарг бетташ Iачу Мовлина биъ некъ
къабстгачехь ловза араваьлла ши кIант гира,
Сашкий, Яшкий. Немцой бара уьш, вежарий.
Ханна Мовлел воккха и шиъ велахь а, цхьаний
ловзара хIорш. Наб кхетта Iуьллучу Нурдига
бIаьрг тоьхна, меллаша, иза самацаваккха,
араваьлла, царна тIевахара чохь са бIарзделла
волу Мовли, малхо дохдинчу лаьттахула бер-
зина когаш луйзуш. Бепиган цастарш йара
шина кIантехь. Цара дуьйцуьрг хезаш вацара
Мовли, цуьннан йерриге а ойла цу шимма дуучу
бепиган тГехь йара. Деха ца хIуттура. ТIаьххье
а, кхуьннан меца хьежар ла ца делла, шиннах
воккхаха волчу Сашкас шегарниг ахдаьккхина,
цхьа дакъа сьхакховдийра. Катоьхна хьайцира
иза Мовлис. Бете даьхьира. Бепиг довха дара,
корта хьовззол мерза хьожа йогIура цунах.
ЦIехьана, Нурди дагавеана, сацавелира. Кер-
ла бепиг кхаьргахь хилла а дацара. ХIинца и
довха, кIеда бепиг Нурдига ша кхачийча иза
толур волуш санна хийтира. Иза цомгуш ву.
Цамгар – вон ду. Ткъа дерриге кху дуьненчура
вон хIума мацаллера ду. Мацалла йоцуьрг кхин
вон хIума дан а ма дац. БIаьргех ларамаза хин
тIадамаш девлира Мовлин, ша шегара бепиган
цастар вешин дIа ца делча ца волий хиъча.
«ДIадиъча хIун дара-те, цхьанне а хуур ма
дац?» – хьаьдира коьрте. Сиха дIакъахкийра

и ойла. Шена дика ца хуучу гIазкхийн мат-
тахь: «Мой домой» аьлла, цIа боьдучу новкъа
дIахьаьдира. БIаьргех ца тешаш чета диллира
цуо бепиг. Оццула йуххе нисбелла мерза кхача
шена ца кхочий хиъча санна, иза дIабоьхуш
карзахабелира кийра, чуьйраш Iоьхура.

Кучан пхьуьйшаца бIаьрхиш дохуш ваша
хьавира Мовлис:

– Нурди! Нурди, самавала! Аса хьайна хIун
йеьна хьажал! – бохуш. Хетара, ша деьна бе-
пиг диича, Нурди сиха толур ву, кога а гIур ву.
Самавелира кIант.

– Схьаэца! – бепиг вешин буйна дала
гIертара Мовли.

Сиха садоьIуш Iуьллур важа, цецваьлла
кхуьнга хьоьжуш.

– Схьаэца, даа! ТIаккха толур ма ву хьо! –
Нурдин бета тГе диллира цастар.

Корта дIасахьийзон велира важа.

– Даахьа, Нурди-и! Хьо товелча вайша цхьа-
ний ловза гIур ма ву, нани а даим йоьлхуш хир
йац тIаккха, хIинца санна! – гIаггIанехь велха
волавелира Мовли.

Вашас бета тГе бепиг теIош, садукъа дина,
цуо воьлхуш кхерийна волчу Нурдига гIийла
мохь белира. Йуьхь пенехьа йерзийра цуо. Бе-
пиг а ца диира...

Ши де делира. Iам тГехь берашца сарралца
луйчуш Iийна чувеьначу Мовлина Нурди ца
гира. Стоьла хьалхахьа куьйга корта лаьцна
Iара нана.

– Нани, Нурди мичахь ву? – дIасахьаьжира
Мовли.

– ДIавахна Нурди, – гIийла жоп делира нанас.

– Муха дIавахана? Мича? – цецвелира Мов-
ли.

– Шен да волче.

– Кога вахнера иза?

– ХІаъ. Вахнера. – Со хІунда ца вахитира ахь дада волче? – дегабааме дийкира кІентан аз.

– Хьо суна гІо дан ма оьшу. Воккха ма ву хьо. Со суо йитина дІагІур вара хьо? – стоьла тІе чкьор тІехь кхехкина кхо картол, куршки чохь шура хІоттийра нанас. – ХІума кхалла хьайна.

– ГІур вацара, – нанна хала ца хетийта, ша воккха ву аларх воккхавеш, элира кІанта.

Нана ша йитина дІа-м гІур вацара, вуьшта, цкъа мукъане а дада волче хьошалгІа ваха-м лаьара кхунна.

– Ша то ма веллинехь схъавогІур ву Нурди, самагатде ахь.

– Дада вогІур вуй?

– Дера ву дада а.

ХІара дІавижначул тІаьхьа цхьа ши зуда йеара кхаьрга.

– Дала йалсаманин хьаша войла цунах, Басирт. Иштта йаздина хилла-кх иза, хІун дийр ду вай? – стоммачу озехь йистхилира цхьаъ.

– Кхунна накъост ца хир-те, бохуш сатис-синера аса-м, кхуьна-х вацый да а, кхин ваша а, – йовлакхан тІам бІаьргех хьаькхира нанас.

– Иштта ма ала, ва Басирт. Дела ву кхуьнан а, вайн а накъост, АллахІ цІе йолу Дела, – элира шолгІачу зудчо.

– Делан кхелана реза йу со-м. Цуо динарг дерриге а дика ду-кх, – докха садаьккхира нанас.

– Дала иманца собар лойла хьуна, – бохуш, неІарехьа дІойолаелира ши зуда.

– Баркалла. Дела реза хуьйла шуна, – царна тІаьхьаелира нана.

Йуха, чохьхьайаьлла, кора хьалхяхь лаьтгачу

жимчу гІанта хиира, киснара суьлхьанаш хьа-ладохуш.

– Нани, – меттахь хьалахиира Мовли. – Нурди Кавказе вахана?

– ХІан? – тохайелира нана.

– Нурди йалсаманин хьаша ву ма бохура цу зударша. Ткъа ахьа йалсамане Кавказехь йу олу даимма а.

– Вахана. Кавказе вахана Нурди, – тІеььна, кІант карахаавеш, метта охьахиира нана.

– Дада а Кавказехь ву?

– Ву, дада а цигахь ву, – йелха ца йелха гІерташ кьурдаш до нанас.

– Ткъа вай хІунда ца доьлху цига, дада а, Нурди а волче? Ахь Іежаш а, кхораш а... хьайбанаш а хуьлу ма бохура цу йалсаманехь.

– Вай а гІур ду цига... Кавказе. Дера гІур ду. Дала мукъалахь.

Дукха ца хьелуш нанас маракъевлина техкош Іачу кІантана наб кхийтира.

...Иза Кавказехь вара, сеналлех хьийкьинчу Кавказехь, гуобаьккхина дитташ долуш, зеза-гаша кьарздиначу ирзи тІехь Нурдица ловзуш. Дехь-о, байтІехь хиьна Іаш дадий, наний дара. ДитташтІехь бес-бесара – цІен, можа, сийна – даккхий стоьмаш кхозура. Ведда дений, нанний тІевахана: «Нани, ахь йийцина хьайба муьлха йу царех?» – хьаьттира Мовлис. И шиь деладелира. Ирсе лепара церан йаххьаш. Дас, дІакхевдина, цІен-можа ши стом баьккхира: «ХІорш йу хьуна хьайбанаш. Цхьаъ Нурдина лолахь». Цхьа хьайба вешига кховдийна, вукхунах церг туьйхира Мовлис. ЧІогІа чомехь а хиллера иза, ша керла дина, довха бепиг санна.

Белехьйалларг¹ – аьхна пхьуьйшашдоцург.

Ли́ра

Вахит ИТАЕВ
(1940 – 2017)

ПЕСНЯ МАМЫ

Маленькая девочка,
Сиреневая веточка.
Ой, какая ты красивая!
Вся ты прелесть дивная!
Ежик по лесу бежал,
Голосок твой услышал
И, забыв свою дорогу
И ежиху-недотрогу,
Как безумный, танцевал.
Маленькая девочка,
Ты такая бабочка,
Ты такая лапочка.
Любит, любит тебя мама
И пушистое солнышко.

Я вспоминаю.
Была одна такая ночь.
Степь. Луна.
Как айсберги в затихшем океане,
Стоят стога.
И девушки поют.

Поют так чисто, задушевно,
Как будто видят рай и Бога.
И я лежу.
И песня, как ручей сквозь камыши,
Сквозь сердце мое тихо льется.
Так сладко на душе.
И среди девушек одна –
Веселая певунья.
Она меня дразнила:
Мы встретимся с тобой в раю,
Там будем вместе.
А здесь в колхозе...
О нет, о нет!
Храни свою любовь
До встречи в небесах.

Когда цветет в ущелье темная ночь
И вдоль хребтов висят мохнатые тучи,
И в небе вместо звезд сплошная тьма,
Поспешно в сердце повторяю я:
Прекрасна жизнь и грусть глупа.

Когда я слышу: долог путь к добру,
Отчаявшихся много на планете,
И с часу на час может так случиться,
Что все прервет последняя война,
Поспешно в сердце повторяю я:
Прекрасна жизнь и грусть глупа.

Вразвалочку, спокойно,
Как хозяин вотчины,
Пешком по парку бродит
Черный ворон, друг печали.
И не пойму я, почему
Такому пешеходу

Природа-матушка дала
Еще и крылья для полета.

О чем твои думы, священный Кавказ?
Ты когда-то родил человечество.
И сыны растеклись по планете.
Но забыли сыны, откуда они.
И ругают тебя, и грозятся мечом.
Не печалься, священный Кавказ.
Короток ум у коротких людей.
Но тот, кто воздвиг небеса,
Помнит концы и начала.

Вижу сон.
Я на другой планете.
И устроился неплохо там.
Я председатель крупного колхоза.
И нравится мне жутко
Одна роскошная бригадирша.
Но робеет сердце,
Робеет и молчит,
Как камень в глубине колодца.
И вот однажды врывается ко мне
Тайная любовь моя –
Роскошная бригадирша.
Глаза, два черных солнца,
Горят и пышут гневом,
Уста бросают страшные слова.
– Не-е-т, вы не волк.
И тем более не лев.
Вы трусливый заяц.
Вот заявление. Подпишите!
Я покидаю ваш колхоз.
И запомните!
Любовь не мямлят ночью под
подушкой,
А зажигают, как костер в степи.
Боже! Все рухнуло.
Погибло сердце.

Неделю жил я истуканом.
Пост председателя оставил
И попросился в водовозы.
Мне дали бричку, бочку и быков.
И тыщу лет из ближнего ручья
Возил я воду на бригадные станы.
Когда проснулся наконец,
Сто лет молчал,
Созерцая в сердце роскошную
бригадиршу.

Миллионы-миллионы лет назад
Влюбился бронтозавр один
В одну прекрасную динозавршу.
И однажды на берегу
роскошного болота
Признался ей в любви.
Красавица взглянула удивленно,
Потом вскричала возмущенно:
– Прочь от меня, урод корявый!
Смотри, чего он захотел.
И зашагала гордо прочь,
Закинув голову под облака.
Но хвост гордячки,
откушенный мгновенно,
Уже торчал в зубах
влюбленного кавалера.

Человек –
Вселенная, сжатая в точку,
И сумма всех законов Бытия.

В полях широких
Порой ночует ночь такая –
Прозрачная, безмолвная,
Вся сотканная
Из нитей тишины,
Что ни единый звук
К другому звуку перелететь не может.

Какая роскошная дикость:
Обломки воинственных скал,
Грозный ропот буйной реки,
Золотая парча осеннего леса –
И в небе на страже орел горбоносый.

ОТВЕТ НА ПЕЧАЛЬНОЕ ПИСЬМО ДРУГА

Печаль, мой друг, высокое чувство,
Она дана нам вместе с жизнью.
Но долго, друг мой, не печалься.
Чем в бытии быть просто камнем
И вечность пролежать без боли,
Уж лучше боль – любая боль!
Ты выйди мыслью в мир огромный
Иль просто оглянись вокруг.
Земля – прекрасная планета!
Вот сколько лет и сколько зим,
Как образ редкий в наших песнях,
Она кружится вокруг Солнца.
И жизнь еще жива на ней.
Ты пишешь мне, что есть мгновенья,
Когда душа страшней геенны.
Да, это правда.
И я боюсь таких минут.
Зови на помощь все святое
И душу удержи над бездной,
Верни ей облик прежних дней.
Страшись, страшись,
Мой друг, страшись
За грань отчаянья ступить.
О смерти думай без боязни –
Не все во тьму идем мы разом –
Под Солнцем вечно кто-то есть.
Но если вдруг печаль большая,
Ты выйди в ночь:
О, сколько звезд на темном небе

И сколько тайн хранят они.
Быть может, кто-то с тех высот
Глядит сюда и ищет нас.
Или постой в горах высоких.
Я столько чуда видел там!
Вот скачет с гор босой поток.
На трубах сказочных ущелий
Играет ветер песнь свою.
И месяц – вечный герб поэтов! –
Шагает гордо за хребтом.
Да что там долго говорить!
Одной нет точки во Вселенной,
Где б не мерцал волшебный образ.
Возьми его в свое сознание
И к мысли пламенной прибавь.
Ну, вот и все.
Гони печаль на край Вселенной.
Земля – прекрасная планета!
Не все во тьму идем мы разом –
Под Солнцем вечно кто-то есть.

Да, странно устроена жизнь,
Соткана не по нашим желаньям:
Надо рыться в земле,
Надо камни дробить,
Надо хлеб каждодневно искать,
Надо глупо болеть,
Надо глупо сгореть.
А потом –
После долгих тревог и мучений
Надо душу костлявой отдать.
Да, странно устроена жизнь,
Соткана не по нашим желаньям.
Кабы было иначе,
Рос бы хлеб, как трава,
Камень сам, если надо, дробился,
И не знать бы болезней
И старость потом –

Через десять и больше веков.
 А в конце, путь земной завершая,
 Просто легкой походкой
 За занавес жизни пройти
 И объять бесконечную вечность...

Смерть заглянула в окно,
 Потом заглянула в дверь,
 Потом заглянула в сердце.
 А в сердце был воинственный порядок,
 И смерть сказала:
 – Рановато,
 Загляну к нему попозже я.

ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ ПОЭТА

И я тут был.
 Я тоже видел Солнце.

ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ ЛОДЫРЯ

Здесь отдыхает тот,
 Кто и при жизни вечно отдыхал.

Легчайшее дыханье ветерка
 Колеблет лунный свет.
 Застенчиво поют цикады.
 Чуть слышно меж камней
 Ручей воркует.
 В груди с ударом медлит сердце.
 И мысли замерли
 В каком-то странном ожиданье.
 Вот он – миг гармонии природы.
 А точней, случайный взгляд
 Прошедшей мимо вечности.

Тридцать лет прошло.
 Но зримей настоящего он видел:
 Ночь. Луна. Река.
 И она вдруг шепчет,
 Восторгом тихим опьяненная:
 – Смотри, смотри,
 Дорожка лунная на воде.
 Я поплыву по ней.
 Нет, не ходи.
 Ты оставайся тут.
 Я поплыву одна.
 Я буду плыть всю ночь
 И доплыву до лунного царства.
 К берегу на цыпочках подкралась,
 Как бабочку,
 Смахнула платье с плеч.
 Сто лет или одно мгновенье
 Входила в воду.

И поплыла...
 Когда она из царств вернулась тех
 И вышла из воды,
 Какая женщина земли
 Могла бы стать ее прелестней?!
 Тридцать лет прошло.
 Но зримей настоящего он видел:
 Ночь. Луна. Река.
 Лунная дорожка на воде.
 И женщина...
 Одна-единственная в мире.

О красота!
 Пряжу тысячи ночей потратил я,
 Запечатлеть пытаюсь образ твой,
 Пока с печалью не постиг,
 Что все, что есть
 В мирах надзвездных

И в подлунном мире,
К короне твоей робко жметя –
И ты невыразима.

Сеется, сеется с неба
Мелкий осенний дождь.
И долгая грусть на сердце.
Точно сеется с неба
Одинокая чья-то душа.

Я неловко по небу скакал.
Я хрустальную вазу судьбы
Ненароком разбил о звезду.
И один ускакал белый конь,
Из седла меня выбив небрежно.
И лежал я в просторах глубоких.
И Небесная Мать наклонилась ко мне,
Головой на меня покачала:
– Что ж ты, витязь, коня упустил
И судьбу свою в бездну посеял?
Только раз белый конь выезжает,
Только раз мировая судьба
Пенный кубок подносит мужчине.
Ты не стой над разбитой судьбой.
Не зови ускакавшего коня.
Потерявший небесные дары,
Пусть не смотрит на небо с надеждой.
В хоре ангелов нету тебя.
Для другого седлают коня.
Пенный кубок другому подносят.

СОН

Всю ночь черный демон,
Как плащ, мою душу
Набросив на плечи свои,
Носился над нашей планетой.
И что он хотел показать?

Какую подсказывал думу?
Со злом ли знакомил меня
Иль тешил себя моей мукой?
А может, носил он меня
Куда-то еще,
В другие, не наши миры?
Да-да, что-то было такое,
Чего на Земле не бывает.
Было странное море,
И лица, безгрешные лица,
Как будто не знавшие горя.
И музыка, звуки которой,
Воистину, были волшебны.

Какая гордость ломит кости нам,
Пока чужие мысли, как свои,
мы носим,
И как просты и человечны мы,
Когда вдруг наконец
за свой беремся ум.

Лунная ночь.
Стоит над миром звонкая красота.
Даже камни, старейшины земли,
Очарованью поддались, как дети.
Такую ночь не перелить в слова,
Пред ней опустит крылья
И самое дерзкое вдохновенье.

Прилипла к подошвам планета Земля
И носит меня вокруг солнца.
Не слушает жалоб,
Протестов не слышит
И волю мою небрежно теснит.
И лишь иногда,
Когда гордость ослепит,
Мне кажется нечто другое:

Что будто я сам, своей волей,
Планету приклеил к подошвам своим
И вниз головой по Вселенной хожу.

Полежать бы долго-долго
На середине Млечного Пути,
Слушая мелодии галактик
И песни одиноких звезд.
Может, там была б яснее
Тайна матушки-земли.

Земля, земля!
Да разве ты меня везла?
Да это я катил тебя
По синей бездне неба –
Вокруг веселого мотылька,
Златокрылого солнца,
Будя твое ленивое тело
Молоточком сердца.
«А я люблю длинные осенние дожди.
Брожу по закоулкам
Под шепот грустных капель.
И если вдруг заплачу, то никто
Слез неожиданных моих не замечает.
В толпе дождинок,
Как и мне в толпе людей,

Легко слезам исчезнуть
До полного ничто».
Такое вот письмо
Мне женщина прислала.
А у моей души своих забот по горло.

Когда из мира мы уходим
И волны мировой души
Смыкаются над нами,
Должны мы в памяти живых остаться
Не дикобразами
безмозглыми в дебрях,
А птицами,
Чьи песни оборвались вдруг –
По зову вечности бездонной.

Хрупка, хрустальна ночь.
В высоких замках гор ночует тишина.
Писк мыши в слухе мира
Обвал кочующий рождает.

Мир чист, как лик ребенка.
Лишь Млечный Путь
Пылит до дальних звезд,
Как будто час назад лихой мятежник
Там проскакал за славой неземной.

Нохчийн меттан Шо

ЮСУПОВ Руслан

Харжам

/Дийцар/

Дукха хьалхе цийнда а кхелхина, дерриг а цийнан дукъ а, бераш хене дахар а тедуйжира Баретна. Тяхь да вацара аьлла ца Iаш, цхьа хIума ца оьшуйтуш, кхобура нанас Рамзан, Заира. Шена мел ницкъ хилахь а, тIехь да цахилар, уьш цунах хьегар гуш, шен ма-хуьллу и лазам дIабаккха гIерташ, къахьобгура нанас. Жимчохь дуййна кIентан декхарш шена хьалха хIитто Iеминчу Рамзанна гора, шашшиь хене даккха гIерташ нанас шен могошалла хIаллак а йеш, хьобгу къа. Шен йиша хьалакхиьалц, эхь а ца хеташ, цуо воккхаверца гIо дора нанна. Цунна хаьара, ша воцург гIо дан стаг воций, цунах нанна доккха гIо хуьлий а. Хи дохьура цо, чьонаш цIанийора, нана балхара цIа йогIуш, духьал а вьодий, цуьнгара ларча схьаобций, цунна цхьацца цIера керланиш а дуйцуш, цIа вогура кIант. Нана йоккхайина ца йолура шен кIантах. Ишколехь а дика доьшура Рамзана. Сих-сиха кхойкхура Барет дай-нанойн гуламе. Цигахь даима а дика вуйцура кIант. Цара хестадора цуьнан гIиллакхаш, лела хаар, дика дешар. Шен кIант дикачу агIор хьахийча, дог-ойла айалой, цIа йогIура Барет. Цуо хастам бора Далла, ишта дика кIант шена валарна.

Шен кIантах йоккхайина ца йолучу нанна тIекхечира кIант шина шарна эскарехь гIуллакхдан хьажо деза де. Шена мел хала делахь а, кIант эскаре дIахьажийра нанас. Дахделлера цунна и ши шо. Амма генарчу махкахь, хала киртиг тIехIьоттина, бIарзвелла хьийзара Рамзан. Кхеран накьостех цхьанна гIаларчу хелхарийн майданыхь меттигарчу кегийрхоша йиттинера.

Бекхам бан безаш хьал хIьоттира. Динарг дуйтилла йацара. Рамзан, шеца мелла а тIах аьлла, каде а болу кIентий вовшах а тоьхна, хелхарш чекхдевлча, шайн накьостана йиттина кегийнах автобусан социйле схьабогIур буй а хууш, царна духьалвахара.

Рамзанан накьостий берриг а Кавказера бара. Массара а схьадехира, деза, ондий, буйхьехь дакхий йьоза мIараш долу салтийн доьхканаш. Уьш куьйгех а хьарчош, кавказхой лата кечбелира. ХIора а вулавелла вара. Хиндерг ца хаьара. Гучубевлира, цхьа а хIума дагахь а доцуш, схьабогIу меттигара кхеран накьостана йиттина кегийнах.

– Цаьрца болу мехкарий ларбелаш, царехь хIума ма хьакхадалийталаш, доьхканаш, ца хуьлча даьлча бен, ма тохалаш, вай акхарой йац, вай адамаш ду, цундела вай лардала деза, вай ваьшна динарг дуйтур доций дIахайта деза вай, – элира Рамзана.

Кегийнах кхарна тIекхочуш бара. ЦIеххьана Рамзанна духьалхIьоттира: хIара гIуллакх чекхдаьлча, кхуьнах хиндерг, кхуьнан чаккхе а. Уьш дукха хиларна тIаьхье ирча хила тарлуш дара. ХIорш кIезиг хиларна тухург чIогIа тоха йезара. Ткъа цул тIаьхьа хиндерг гора Рамзанна – иза набахте йара.

Ойла йора кIанта:

«Сан ненах хIун хир-те? Даима а сох йоккхайиначу, со цIа варе хьобжучу, сох гIортгор а йина Иийначу? ХIан-хIа, хIара иштта мегар дац. ТIаккха а, хIун бекхам бу хIара, царна йукьахь тхан накьостана йиттинчех цхьа а ву-вац а ма ца хаьа. Бехк-гуьнахь а доцу нах вовшах хIунда

лета», – бохуш, Рамзанан коьртехь ойланаш хьийзара. Кхуьнан накьостий а бара, са а озна, кхуьнан буйре ладоьгуш. Кхарал кхузза дукха бара вуьйш. «ХIара нийсо йар дац, хIара Ювдал хIума ду», – аьлла, коьрте ойла хьавзира Рамзанна. Пебаьхкинарш хIорш болчу агIор схьа ца хьовса гIертара, йа вовшашка дош аьлла, вовших дага а ца бовлура уьш. Меттигерчу йарташкахь бехаш бара нохчий, суйлий а, кхин а кавказерчу къаьмнийн векалш. Бахархошна дика девзара церан Iер-дахар, Iадаташ. Шаш мел дукха делахь а, уьш кхерабеллера. Иза кхеран толам а бара. Ши тоба ойланашкахь а йолуш, кхарна йуккъе дIахIоьттира автобус. Рамзан кхийтира, мел ойла йан йезаш хьал ду хIинца хIоьттинарг а, шайх кхидIа хиндерг шен карахь дуй а. «Пехьада-те со? ХIинца а тIаьхьа ма дац. Сайн накьосташца чухьадий, латий-те со царехь? ХIан-хIа, тхо цIа даха дезаш ду, тхобга цIахь хьобжуш да-нана, йиша-ваша ду, ишттаниг дойла йац», – бохуш, коьрте ойланаш хьийзара Рамзанан. Автобус, неIарш дIа а къевлина, дIайолаелира. Кхуьнан дог, боккха мохь охьабиллича санна, паргIатделира. Рамзан кхера ца веллера, цо шен ойла ца йора, цо ойла йийриг, тIехь да а воцуш, ша хала кхийна шен нана, йиша, накьостий бара. Цхьаь хилахь, кхуьнгара бехк баккха тарлора: «Хьо вара хьалха ваьлларг, ахь бигнера уьш», – аьлла.

Автобус дIайахара. Рамзан шен накьосташца дIаволавелира. Цхьаммо а, Рамзана тIелата аьлла буйр ца дарна и бехке ца лерира, уьш цунна меллаша тIаьхьа буйлабелира.

Схьакхачьча, хIорш боций а хийна даьккхинчу орцанна тIекхечира хIорш. Амма Рамзан шен дика цIе йоккхуйтуш вара, цундела хьаькамаша цхьа вон хIума кхьаргара даьлла ца хилча, тап-аьлла, хIорш бакьо а йоцуш бахар дIатаIийна, гена ца доккхуш, дижа дитира. Цул тIаьхьа, хийла и

гIуллакх коьрте иккхира Рамзанна. ХIоразза а цо Далла хастам бора, цу дийнахь шена собар даларна, ша цу зулумах ларварна а. Эццехь ша сихвеллехь, шен накьостех а, шех а хIун хир дара-те, боху ойла хийла йира цо. Делахь а, цул тIаьхьа шен дахарехь эццехь ша бина харжам коьртаниг ца хиллий-м хиира цунна.

Эскарехь гIуллакхдина а ваьлла цIавирзинчул тIаьхьа тIеIоттабеллачу харжамо хIаллаквире Рамзан.

Зудайалор а, доьзал кхоллар дагахь а дацара кхунна. Тахана ду и: берхIитта шо ма-кхачьчинехь кIанта зудайалайо, йоI маре а йоьду. ХIетахь ишта дацара – зудайало сих ца лора. КIанта шена хьалха Iалашо хIоттайора, ишкол чекх а йоккхий, институт а йоккхий, белхан меттиг а карайой бен зудайалоран ойла ца йора. Амма и Iалашонаш массера кхочуш ца хуьлура, кхочушхуьлийла а дацара – иза ишта дахар дара. Меттигерчу вузашкахь, белхан меттигаш йолчохь йа гергарниг хила везара, йа шортта ахча хила дезара, хьайна деша ваха лаахь. Ткъа Рамзанан йа иза, йа важа а дацара. Цундела Рамзан масийттазза а шен хааршца деша ваха гIортарх а деша ца вахавелира. ХIора дийнахь зудайалор а дара гергарчара хьехош. Нохчийн Iедалехь, шайн вашас зуда ца йалийча, цуьнан кегий йижарий цIерабовла йиш йоцуш буйла хууш, Рамзан а вара. Дерриг а дитина, шен йишина некь балархьама, хIора шен мукъа хан ша резаволу йоI лобхуш, дIайоьдура цуьнан. Атгачех гIуллакх дацара иза. Муьлхха а цхьаь йала а йина, и бала кочалаца ца лаьара цунна. Дагавала да а, йуххе хIитта вежарий а боцуш, дика-вон къасто а хууш кхийначу Рамзанна хала дацара иштачу хьолехь дикохниг къасто. Цуьнца йаккха йезаш ма йара цо ша дуьненчохь йоккху хан, цундела харжам тIехь галволийла дацара. Ткъа вевзаш волчу йаздархочо А. П. Чеховс ма-

аллара: «Адамехъ массо а хIума хаза, дика хила дезаш дара: йуьхь-сибат, дог-ойла, духар а». Цу тIехъ Чеховца реза муха хир вац? Духарра-м оццул доккхачу маьIнехъ а дацара. Кхидерг хила деза. Иштта, ша йоIарий дукха мел хоьржу, кхин хьажа, сих ца вала а лаьара цунна. ХIара воцург а бара кхунна йоI лохуш: накьостий, гергарнаш а. Цхьаьнга Рамзан вист ма-хилланехъ, цIеранаш цу йоIах дерг хаа сихлора. ХIара-м йало мегар ду аьлла, ойла ма-кхоллайеллинехъ, цу йоьIан йа да молуш хуьлура, йа доьзалехъ цхьа кхачамбацар, айп нислора. Ишта дIайоьдура хан. «Сан Дела, хIара хIун ду-те? Йало йоI ца карайо бохург доккха хIума ма ду! Кху наха суна тIехъ цIе кхолла а ма тарло: зуда лобхуш вац, йа и йало гIерташ а вац, хIинцца цхьа галдаьлларг дан воллу», – аьлла. Ойланаш йаьржина, хьере вара кIант. Шен леларца, гIиллакхца, обзда хиларца къаьсташ вара Рамзан. Зама дIайоьдуш йара, хIара йоI хаьржина волуш вацара.

Шен цхьана гIуллакхна Iедалан урхалле вахан-чохъ Рамзанан цхьана йоIанна тIехъ бIаьрг сецира. Цунна тIера бIаьрг ца баккхалуш, хьобжура кIант. ЙоI хаза йара. Рамзанна цу йоьIан йуьхь тIехъ цхьа тамашийна хазалла гира. Чохъ болчу нахе а, цхьа-болчу мехкарша санна, йухьдуьхьал а хьобжуш, къамелаш а ца дора цо, охьа а таьIна, чохъ цхьа а воцуш санна, шен болх беш, шен йоза а деш, Iара иза, хьал ца хуучунна, и стихаш йазьеш йу моьттур а долуш. Гуш дара, и стихаш йазьеш цахилар, иза шен болх беш хилар. «Дийна йоцуш санна, цхьа тамашийна хIунда йу-те хIара?» – бохуш, хьобжура кIант. ЦIеххьана Рамзане схьахьаьжира йоI. «Со дукха тIевогIавелла Ийначух тера ду, товш ма дац хIара-м. Те а вахана, вистхила веза со», – аьлла, ойла кхоллаелира Рамзанан.

– КъинтIерайалалахъ суна, хьайн ойланех ас хьо йукьахIаьккхи, моьтту суна!

– Ас а ваккха веза, моьтту суна, хьо къинтIера, тIевогIавеллачуьра хьо йукьахIаьккхарна.

Цу дешнаша а, царна тIаьххье цуьнан йелайаларо а корта хьовзийра Рамзанан. Шеца къамелевала бохург и ца хиллехъ а, кхин шега къамел ма де, ша реза йац бохургга-м дацара иза. Къамелана дуьхьал йоI цахиларх кхийтира кIант.

– Хьо къинтIерайаккха йезарг со ву, хьо йац. Цунна сан доккха бахьана ду.

– Со и бахьана хаа дезаш йуй?

– ХIунда йац? Со сайн дахарехъ, сайна накьост а хилла, йуххе дIахIотта, сайна хIусамнана а хилла, сайн керта йига йоI лобхуш ву-кха.

– Ткъа со хIун динарг йу? Ас хIун дан деза?

– ХIумма дан а ца деза. Хьо хила а мегий иза-м. Дахарехъ, тахана санна, цIеххьана довзар а хуьлий, кхоллалуш ма бу доьзалш.

– Вай девзаш ма дац, – элира йоIа.

– Вовшашка вай цIераш йийцина цахиларо хIумма а ца боху, коьртаниг вайн дегнаша бохург ду.

Рамзана и къамел дича, йоьIан корта охьабыхара, йоI кхийтира, ша къамелехъ совйаьлла хиларх. Корта хьала ца ойуш, йист ца хуьлуш Iен гIоьртира йоI, амма Рамзана шега хьежаро ца йуьтура иза. Иза кийча вара, ша лобхург шена карийна ала. Даго а бохура: «Айхьа лобхург хьуна карийна хIинца». Диснарг йоьIан дагара хаар дара, амма кIант кхоьрура цо аларна: «Со реза йац, кхечанхьа хьахийна йу со», – йа царах терониг.

– Сан хьобга дукха деха бакьо йац, хьайн цIе муха йу дийцахьа суна. Ас тахана кхин хьийзор йац хьо, – аьлла, дийхира Рамзана.

Жимма йист ца хуьлуш Iийра йоI. Цо шен цIе йийцар, «ХIаь» алар санна, тида мегар дара, йогIур йу алар санна, ца тидахъ а. ТIехьовзар санна, хIума дара иза. Цо бIаьргаш хьалайдидира. Царна чохъ гора уьш кIаддалар, жимма

гIайгIане хилар а. «Кхуьнан дахарехь а нисделла-те халахетарш, сатийсамаш кхочуш ца хуьлуш бисна-те? Йа «Дала азаллехь хIусамда ву аьлла йазвелларг ву-те шена хьалха лаьттарг», – боху ойла кхоллаелла-те кхуьнан?» – бохуш, ойлане лаьттара Рамзан.

КIанта ойла йора: сихлур вац со, кхидIа а хьажа везар ву: мила йу, хьенан йу, ненах дагавала а везар ву. ЙоIа шен це йийцар ду коьртаниг.

Халла хезаш: «Мадина», аьлла йаьккхира цо шен це. Ша и це йоккхуш, эхь а хетта, охьатаьIира иза. Рамзан дIаваха везара. Цунна хаара, и ша-шеца йита йезий. Кхо бохучунна цхьа гIулч дубьхалайаьккхинера йоIа. Ша дIавахале кIанта элира:

– Ас хьо ирсе йийр йу хьуна, Мадина! – аьлла.

И дешнаш дехха дека дисира Мадинин коьртехь. Цо йух-йуха а шен дагахь, шен дехачу дахарехь, сих-сиха цунна баха дисира и дешнаш. Ишта дешнаш цуьнга хIинцалц цхьаммо аьлла а дацара. Цхьаммо иза ишта мерза, ховха шеца дахар декъа кхайкхина а йацара. «Схьахетарехь, хIара кхоллам бу», – бохуш, ойланаш йора Мадинас. Дукха кIентий бара иза йезаш а, шайга йеача йуьгур йолуш а, амма Мадинас уьш берриш а, чорда а ца олуш, хазачу дешнашца цаьрца дерг дIахадийра. Рамзанна тIе дог-ойла йахнера йоIан.

Дукха ца ихира Рамзан Мадина йолчу. Церан кхин эрна хан йайа ца лиира. Вовшахкхета барт хилира цаьршиннан. Рамзана тешамна мухар ло аьлча, йоIа делира. КIанта дегочу куьйгашца схьайицира мухар. Бакьдолчуьнан тешам бу-кха хIара, аьлла, ойла кхоллайелира цаьршиннан. Ловзар, даарш, кхидерш а – уьш коьртачех дац. Харжам бина баьлла, йуханехьа некъ бац. Тешамна хIума карайелла йу. Рамзанан а, Мадинин а цIераниш, кечамаш беш, хьийзара. Берриг а цхьана гIалахь, вовшашна генабоццуш, бехаш а бара хIорш.

Шина а агIор болчу нахана хаара, хьенан хIун тайпа ду, муьлш муха бу а. Захало галдер ду, аьлла, цхьана а агIор кхоьрийла йацара. Рамзанан керта йогIу де тIекхечира Мадинин. Нускалан коч хьалххе эцнера йоIа. Коч тIе а йуьйхина, куьзгана хьалха хьаьвзича, йухура йоI, керла дахар долош, цунах озалора иза. Кхин нах, кхин керт, хIусамда, и дерриг а Мадина кхоьруш дерг дара. «Дерриг а дика чекхдалахьара», – олий, хетара цунна.

Тайп-тайпана ойланаш а йеш шен чохь Iачу Рамзанна нана йолчу чуйоьдуш шайн гергара кхо зуда гира. Церан къамелаш кIантана схьахезаш дара. Уьш чоIа цхьа хIума куьйсуш бара. Царна тIе кхин а зударий баькхира, церан къамелаш кхин а чоIа делира. Цара дубьйцучух цхьа дерг схьахезара. Рамзанна цкъа а дага ца деанера, оццул хаза дIадоьдуш долу шен а, Мадинин а гIуллакх галдер ду аьлла. Ишта долу даккхий хIумнаш нисдан а, уьш чекхдаха а бакхийнаш ца биснера кхеран тайпанах. Цундела, и санна долу хIумнаш, баккхийчу зударша шайн караэцнера. Цара дубьйцура: «Мадинин маьхча наха дика це йоккхуш йац, и йоI вай йалор йац», – бохуш. Рамзане схьааьлларг и дара: «Цаьрца вай захало деш дац, и йоI Iадйита!» Гуттар а чоIа дубьхальаьлларг Рамзанан нана йара. Цу дийнахь санна цкъа а воьхна, холчуваьлла а вацара Рамзан. Массарна а хууш дара кхунна караделла мухар дуйла а, схьайало бина кечам буйла а. Мадинин нах йуьхьIаьржахIуьттуш, цуьнан чоIа дог лазош а хIума дара иза. И йалор Iаддадита аьллачул тIаьхьа Рамзанехь вон хьал дара. Сийна цIарах догуш дара цуьнан дог а, йуьхь а. Ши декхар дара цунна тIехь: нанас аьлларг кхочушдар, шех тешна йоI дакъаза ца йаккхар, йуьхьIаьржа ца хIоттор а.

Нохчийн Iедалехь зудчун вон це йаккхарал доккха эхь долуш хIума дац, амма ца кхеташ дерг цхьаь ду: бехкбоцчу, малик санна цIена

йолчу йоьІан хІун бехк бу-те, бохуш долу хаттар хІиттадора Рамзана шена хьалха. Иза шича а йац, маьхча йу. Тайпана йу бохург дара схьадуьйцуш хезарг. Цу хаттаршна жоп дацара цхьаьнггера а хезаш. Кхуьнан доттагІий а цецбуьйлура, дала жоп дацара церан а.

«Ас хьо ирсе йийр йу...» – ша аьлла дешнаш дагадаьхкира Рамзанна. Хастам хила хьуна, АллахІ-Дела, «ирсе йийр йац» ала дезаш хилла-те ас. Ма галваьлла стаг хила веза, иштта хьайх тешна йоІ Іехо. Ткъа сан харжам муьлхарг бу-те? Нанна дуьхьал а ваьлла, цо бохург ца дича, со мила хуьлу? Ас массарна дуьхьал а ваьлла, схьа-м йалор йу иза, соьга да-м лур дара и саннарг, цул тІаьхьа со мила хуьлу, хІун дахар хир дара тхой-шинниг? ХІара чекхдаккха деза, нанас бохург дан деза аьлла, къарвелла, сецира Рамзан.

Суьйрана, Мадинас делла мухар дІа а луш, цаьрга зуда йахийтира, захало хила йиш йац аьлла, цкъа а хилла а доцу, шайн зударийн цхьацца хІума а кхоьллина. Амма дукха хан йа-лале захалонна хІорш реза ца хиларан бахьана Мадинин нахана дІахиьнера. Нахалахь чІоГІа йухьІаьржахІиттинера Мадина, да-нана, вежарий, берриг гергарнаш а. Тезетахь дерг дара цаьргахь.

«Со йелла йелар-кха, йа дуьнен чу йаьлла а ма йелара, кхидІа муха йаха йеза-те со, хьанах теша мегар ду-те кху дуьнен тІехь, ма чІоГІа со шех тешийнера цо. Сан хІун бехк бу-те, сайн сий, сайн вежарийн сий, де-ненан, тайпанан сий ма чІоГІа лардинера ас. Цара йуьйцу и зуда суна мила йу а ма ца хаьа, и цкъа а тхобга йоГІуш ма йац, йа суна цкъа а гина зуда а ма йац иза. И боьха хІума хиларх сан хІун бехк бу-те, и бахьана долуш бехк-боцчу сан ирс хІунда духу-те?» – бохуш, йоьл-хура Мадина. Рамзанан цІахь санна, и Мадинин хеттарш жоп доцуш дисира. Дакъа санна, маьнги тІехь йоьжна Іара йоІ, метгах ца хьовш, йуххерчу

пена тІехь, кхуьнан дог этІо оьллича санна, кхо-зуш йара кхуьнан нускалан коч. «ХьалагІаттий, этІае-те ас иза, ас хІун до цунах.? ХІан-хІа, ницкъ тоьар бац сан хьалагІатта. Ткъа балха йаха ницкъ хир буй-те соьгахь, кехаташ кего, царна тІехь дерг листа? Со нахана йукъа муха йер йу-те, сан йуьхь ма йац балха йаха, нахана йукъайала а», – бохуш, ойланашкахь Мадина а йолуш, кхуьнан тидамза чу а йеана, кхуьнан коьртах куьг хьекха йолаелира, йуххе охьахиьна, доллучу гІуллакхна гІорасиз йолу нана. Цуьнан шен йоІах дог лозура, амма шен йоІ ирсе йан цуьнан ницкъ болуш хІума дацара иза. ЙоІанна кхин дисна хІума дацара, дер-риг а диц а дина, набарна йижа, кхин самацайалар бен. Уьш йерриш а ойланаш йара, дог доьхначу йоьІан ойланаш.

Цхьа кІира даьлча Рамзане Мадинас кехат да-ийтира. Шега кехат йаздан цунна ницкъ карорна кІант воккхавера. Рамзан кхетара Мадинас дуьй-цучух. Цо шен Іовжийна дог, шен холчухІоттар, ша а, шен нах йуьхьІаьржахІиттарх дуьйцура. Цунах кхетара кІант. Цо хІуьа йаздича а ловр дара Рамзана, ша и йуьхьІаьржахІотторна цуьнан дог паргІатдаьлчяхьана. Шен дахарехь ишта ке-хат ца деанера кхуьнга, йа догІур ду ала меттиг а бацара. Цунна хІара бехке вара. Рамзана и кехат дІадиллира. Цунна хаара, цкъа мацца а цу кехат тІе ша вухавогІур вуй, ша и доьшур дуй, кхидІа а даха-рехь нийсонна шен хьекьал а, кхетам а ира латто.

Кехатна дуьхьал жоп йаздар эрна дуйла хуучу Рамзана ша-шега элира: «Сан Дела, ма хала, ма къиза бар-кха сан харжам. Хьуна гуш вар-кха со. Шина харжамна йуккъе нисвеллера-кх со – безам а, ненаца болу ларам а. Хьуна ма-гарра, ас нана къастийра. И бара-кх сан харжам. КхидІа дерг Хьобгахь ду-кха, Ахь нийсо йелахь, дерриг диц а деш, Мадина ирсе йелахь!»

Гочдинарг – Алиев Мохьмад

Ли́ра

Анжела ВИТЕЛЬХАНОВА

Родилась 12 ноября 1998 года в городе Хасавюрт, Республика Дагестан. Там же окончила гимназию №2 имени А. М. Сайтиева. В 2015 году поступила на медицинский факультет в ЧГУ. Позднее перевелась на аналогичный факультет КБГУ, в Нальчике. Любит классическую русскую поэзию: стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Ахматовой, М. Цветаевой. Пробовать свои силы в стихотворчестве начала в школьные годы, участвовала в различных литературных мероприятиях. В 2019 году ее стихи были впервые опубликованы – в газете «Советская молодежь» города Нальчик. Там же был выпущен авторский поэтический сборник «О чувствах, переживаниях, о жизни» (под творческим псевдонимом Алима Вителъханова). Публиковалась в журнале «Вайнах» в 2020 г.

В ПАМЯТЬ О БАБУШКЕ АЮЛЕ

Мне снилось детство,
Снились горы,
Мне снилась бабушка моя:
Перебирая вещи в доме,
Она сидела у окна.

Когда я на нее глядела,
Она ко мне вдруг подошла –
Я, испугавшись, побледнела,
И так была изумлена...

Застыв на месте, я, несмело,
На диво чистой красоты,
На косы, стройный стан смотрела –
Чеченки в платье «Габали».

Как жаль, что жизнь моя небрежна,
Она меня так беребит,
Она калечит и не лечит,
И от нее порой знобит.

Души волненье неизбежно,
И я не знаю, как мне жить.
Теперь себя виню безбрежно,
Что не смогла понять я жизнь.

МАМЕ

Ты часто слезы мои утираешь,
Лелеешь, любишь меня и ждешь.
Только ты добра мне желаешь,
В трудный час на помощь придешь.

Ты всегда меня укрываешь,
От коварства и зла бережешь,
И так нежно меня ты ласкаешь,
Дочуркой своею зовешь.

Знаю я, что ты испытала,
И насколько был путь твой тернист,
Но ты Даде тогда обещала,
Что будешь тверда, как гранит.

Ты мой самый родной человек,
Ты мой добрейший ангел с небес,
С тобой мне спокойно и ладно –
И сердцу дороже ты всех!

ОДИНОКИЙ СТРАННИК

В любовь не верю я давно,
И радость тоже позабыта.
Но в сердце знаю лишь одно –
Что я живу мечтой поэта.

Я в этом мире словно странник –
Я так далек для всех и чужд,
Мне в этом мире не хватает
Любви и верности, мой друг.

Я так устал, и мне так трудно –
Не в силах выдержать тоски.
И, кажется, что я увяну,
Что я умру один в тиши.

В своих стихах, мой друг, пытаюсь
Души печаль я изложить –
Чего-то будто не хватает...
А вроде жить и не тужить!

Боже мой, только Ты понимаешь,
Только Ты меня признаешь –
Ты к добру меня призываешь,
Вновь и вновь силы мне придаешь.

Ты меня как будто пытаешь –
Словно действий каких-то ждешь,
Мои раны Ты лечишь, стираешь,
И всю нежность мою бережешь.

Я не знаю, куда мне деваться,
В грешном мире не знаю, как жить.
Как с людьми уметь уживаться,
Как обид на них не таить?

Где бы сил мне сейчас набраться,
Чтоб грехами увитых простить?
Чтобы искренно улыбаться
И презреньем своим не сгубить?

Мне снова хочется жить
И людям довериться снова,
И душу свою не томить,
Чтоб сбросить все цепи укора.

Я хочу о тревогах забыть,
Никогда не испытывать взоры,
Про невежд навсегда позабыть,
Чтоб не видеть чужого позора!

Не стоит винить людей,
Что они на тебя не похожи,
За то, что душою своей
Они черствы и жестоки.

Сумей принять – не презреть,
Даже если во многом несхожи.
Постарайся их души согреть,
Пожалей, они так одиноки.

Ты пришел в мою жизнь так внезапно
И покой мой святой ты забрал,
К себе привязал безвозвратно
И веру в других ты отнял.

Обещаю, тебя я забуду,
Но твой взгляд буду помнить всегда.
Но твоей никогда я не буду –
И с тобой не смогу до конца.

Не пытайтесь меня исправить,
Не пытайтесь меня изменить,
Особо вы не старайтесь
Душу мою отравить.

Никогда ни за что не пугайте,
Себя я не дам осквернить,
Вы лучше меня избегайте,
Чтобы я не смогла навредить.

Вы всегда с себя начинайте,
Прежде чем меня обвинить.
Никогда меня не ломайте –
Я ведь тоже умею мстить!

ПИСЬМО К МАТЕРИ

Мама, родная, моя дорогая,
Тобою я дорожу,
Тебе хочу я признаться,
Что я без тебя не смогу.

А еще хочу я признаться:
Тебя больше всех я люблю,
В тебе только буду нуждаться,
С тобою я словно в Раю.

Тобой лишь могу восхищаться,
Ты стерпишь любую беду –

Остается лишь удивляться!
За все это тебя я ценю.

От души всей, моя дорогая,
И от сердца, спасибо скажу:
Ты, мне счастья только желая,
Словно розу растила в саду.

Твои печальные глаза
Меня так ранили однажды...
Но все же взгляд манил твой каждый
И очаровывал меня.

Ты душу светом озарил,
Что омрачил другой когда-то,
Ты мне надежду подарил,
Избавив от мучений ада.

Но только жаль, что никогда
Я не смогу с тобой быть рядом,
Что не узнаешь никогда –
Лишь благородством сердце взято.

ЕМУ

Я искала тебя повсюду,
Я искала тебя и ждала,
Со слезами смотрела я в небо,
Но и там я тебя не нашла.

Обещаю, что буду я верить,
Что где-то ты есть у меня,
Благородный, верный, отважный,
Я сердце храню для тебя.

Человек, послушай, не спеши!
 И себя досрочно не вини,
 Ты свои сомненья умертви,
 Самому себе помочь смоги.

Прочь отбрось все страхи, соберись!
 И к своей ты цели устремись.
 Только так ты сможешь, не иначе,
 Встретиться, в конце концов, с удачей!

ПРИЗНАНИЕ МАМЕ

– Мама, мне кажется, я отступаю,
 Не нуждается этот мир во мне.
 Я устала вконец, увядаю, –
 Так сказала я как-то тебе.

Я устала, и я отступаю...
 Больше нет сил в неравной борьбе,
 Вокруг столько зла и обмана,
 И не видно света во мгле.

Может быть, я себя потеряла,
 По дороге к заветной мечте?
 Может быть, я себя проиграла
 В беспристрастной этой игре?

В этой жизни всегда всего мало,
 Не утетишь меня ты теперь.

Я верить в себя перестала –
 И умру-то, наверно, ни с чем...

Ты прости меня, мама милая,
 Если сердце разбила вдруг.
 Если душу твою истомила я,
 Обнажив своих мыслей круг.

Я хочу, чтоб ты знала, родная,
 Вас с отцом не оставлю в беде.
 Пусть я духом упала – встану!
 Это я обещаю тебе!

Если кто-то однажды скажет:
 «Благородство твое ни к чему!» –
 Ты не верь ему, он же не знает
 Ничего про душу твою.

Он не знает твоих страданий
 О светлой безгрешной мечте –
 Как ты Бога молил и славил,
 Как просил не оставить в беде.

Он не знает про тайные шрамы,
 Про все испытанья твои...
 И про детское еще сердце
 Как пытался от грязи спасти.

Ли́ра

Микаил ЭЛЬДИН

Чеченский поэт, писатель и журналист Микаил Эльдиев родился в 1968-м году в селе Гухой Итум-Калинского района. Там же окончил восьмилетнюю школу. Среднее образование получил в селе Борзой Советского (ныне Шатойского) района. Окончил Чечено-Ингушский государственный университет. Детство Микаила прошло среди первозданной красоты гор. С раннего детства он научился видеть и чувствовать красоту природы. С упоением читал наизусть стихи на русском и родном языках. Слушал илли и назмы, исполняемые стариками под аккомпанемент дечиг-пондура. Именно красота родных гор и величественная поэзия привили ему настоящую любовь к родному языку, культуре и истории. Впервые он пробовал писать на русском еще учеником девятого класса. Большую поддержку ему в этом начинании оказал его школьный учитель, талантливый поэт и художник Саид Мацаев, сохранивший близкую дружбу с Микаилом до своей смерти. Микаилу повезло встретиться с еще одним гениальным поэтом – Апти Бисултановым. В детском журнале, главным редактором которого был Апти, он начал и свою журналистскую деятельность. Апти сумел раскрыть талант Микаила. Микаил работал в разных изданиях периодической печати, таких как журналы «СтелаГад», «Орга», «Вайнах», газеты «Васт», «Даймохк» и другие. Преподавал в школе родной и русский языки. Активно печатался в журналах. Пишет на двух языках. С 2005-го года проживает в Норвегии. В 2013-м году опубликовал в Великобритании (издательство Портобелло Букс) книгу мемуаров «И небо плакало огнем», получившую награду английского ПЕН-центра. В 2009-м снял документальный фильм о Норвегии «Белый горизонт», в рамках совместного проекта с норвежской газетой «Фирдапостен». Перевел на русский язык известных чеченских авторов: С. Курумову, М. Бексултанова, М. Ахмадова. Также переводил чеченские народные песни – илли. В настоящее время занимается бесплатным преподаванием чеченского и русского языков чеченским детям в Норвегии и продолжает писать стихи. Первым начал писать стихи в абсолютно новом жанре «Хорха» на чеченском языке. Это короткие стихи, написанные в особой форме. Этот жанр возник под влиянием японской поэзии, которую он неплохо знает.

Я нарисую красками печали...

Вы простите визит неожиданный,
В ваш весельем чарующий день...
Я, когда-то никем не увиденный,
В темноте растворился как тень.

Я, ветрами печали овеянный,
В бранный мир воротился с тоской...
Тайной смерти и грустью взлелеянный,
Я для жизни совсем молодой.

Я изгнанник из Царства Забвения,
Где душа обретает покой,
Здесь мой Ад, мое грехопадение,
И для страсти я старец седой.

Я лишь странник, Незнание сеющий...
Может грустная ночь меня ждет?...
Невесомый туман, холодеющий,
В неизвестность меня заберет...

САИДУ

Тебе не кажется, мой друг,
Что жизнь изменчива, как пламя?
Ведь нас она обманет вдруг...
И позлорадствует над нами...

Тебе не кажется, мой друг,
Что жизнь – неровная дорога?
Пройдем с тобою бранный круг,
Седея от ударов рока.

К финалу грустному придя,
На миг мы вспомним все, чем жили,
А впереди уже земля,
Откроет темные могилы.

И мудрость жизни, это смерть,
Она всегда в конце дороги,
Величья нашего расцвет,
И сами мы, пред ней убоги.

Я уходил... Холодной ночью,
Во мраке сумрачной зимы...
И словно дерево с листочком,
Легко со мной прощалась жизнь...
А мне казалось: «Как же так!»...

Я уходил... На крыльях боли,
Я сквозь чистилище летел...
И мне, как зимним бурям море,
Глядела жизнь спокойно вслед...
А я метался: «Отпусти!»

Я уходил... Как будто снова,
Бегу по огненной тропе...
И словно фокусник ребенка,
Смерть мягко улыбнулась мне.
Швырнув растерянного... В жизнь.

Расстаюсь с тобою навсегда.
Не смогли друг друга мы найти,
Не встречайся больше никогда,
Ты со мною. Нам не по пути.

Я, любя, тобою дорожил,
Думал, счастье я нашел свое,
И цветы одной тебе дарил,
Погубила сердце ты мое.

Песню недопетую свою,
Посвящал тебе я под луной,

Я поверил в искренность твою,
Я хотел, чтобы ты была со мной.

Но меня легко забыла ты,
Ты спешишь, разлуку торопя,
Затоптала нежные цветы,
Что дарил я искренне любя.

Что ж... иди. Счастливого пути,
Пусть рыдает жалостливый дождь,
Счастья пожелание прими,
Верности в любви да обретешь.

Плачет осень, золотые слезы.
Обреченно стужу ожидая,
Расстаюсь я с золотыми грезами,
И печаль как слезы я роняю.

И сбылись души моей пророчества,
Я умру с осенними слезами,
Почему так сладко одиночество
Перед тихо ждущими глазами?

Почему же мысль моя, уставшая,
Жжет мне мозг так сладко и так больно?
И слезинка, с тучи вдруг упавшая,
Холодна, прозрачна и безмолвна?

А тоска, волчицей вдруг завывшая,
Мне судьбу пророчит наихудшую,
И молитва, сердце мне разбившая,
Так зовет любовь мою, заблудшую.

Плачет осень, золотые слезы
Без стонаний, тихо умирая,
Расстаюсь я с золотыми грезами,
Боль души я молча принимаю.

СОНЕТ

Я тону в твоих чистых глазах,
Мое сердце над пропастью стынет,
Ощущаю я сладостный страх,
Словно грешник пред божьей святыней.

Незнакомцем приду я к тебе,
Весь окутан мерцающей мглой,
О тебе расскажу я Луне,
Очарованный мглой и тобою.

Нераскрытую тайну познать,
Будет томный твой взгляд меня звать,
Под ресниц смоляной бахромою.

Мне на сердце слезу уронив,
И святые грехи полюбив,
В мир любви убежишь ты со мною.

Я уйду уходя, как слезинка твоя умирая,
И шагну, словно в вечность, в холодную,
темную ночь,

Я безмолвно уйду, как изгнанник из светлого рая,
За тебя помолюсь, чтоб тебе в очищение помочь.

Я, навстречу тебе, вышел молча из мрака и света,
И с собою жестокою, сладкую боль я принес,
В вечном храме тоски, повинуюсь святому обету,
Я, приняв эту боль, отказался от сладостных грез.

Но безгрешное сердце твое было чуждо той боли,
Незнакомое пламя зажглось у тебя лишь в глазах,
На меня ты взглянула, рыдая, с немою мольбою,
И проклятье безмолвно застыло на сжатых губах.

Ты отвергнешь меня, я ж «избранник греха и порока»,
Между нами как стон, сиротливо повиснет «Прости!»
И в усталой душе не найдя ни любви, ни упрёка,
Я уйду. Только сможешь ли ты свой покой обрести?..

Мы выходим с зарей на тропу, уходящую в Вечность,
Оставляя в пыли лавры сумрачной славы земной,
Оставляя в пути исковерканных судеб отметки,
Мы идем, чтоб великую боль разделить меж собой.

Эту боль понесем мы с собою по адскому кругу,
И по капле мы выпьем ее, не ропща до конца,
Из груди не исторгнут стенанья иссохшие губы,
И во имя Любви сохраним милосердье в сердцах.

Принесем на алтарь мы свои неповинные души,
Пусть глумливая злоба предательству оды поет,
Мы сгораем в священном огне, нас сомненья не мучают
Награждает, иль судит, нас только Всевидящий Бог.

А когда мы уйдем, не прощенные всеми, в забвенье,
Очищая сердца, дух свободы к потомкам придет,
И в мирской суете, кто-то вспомнит наш путь на мгновенье,
Да тоскуя по нам, снова осень заплачет дождем.

После сумрачных дней, где исхлестан был ложью, как плетью,
После жгучих ночей, где в проклятье сгорал, как в огне,
После светлых мгновений разрозненных, больше не спеть мне,
О блуждающем счастье, реальном лишь в сладостном сне.

Больше мне не дано, восхваляя «священные узы»,
Опьяняться мечтой, не заметив грехов своих груз,
Та тропа, по которой к забвению иду я, все уже,
Ну а пропасть все глубже, куда я однажды сорвусь.

Я за дерзость желаний наказан Всевидящим Богом,
Испытанье мое – этой жизни мучительный рай,
В лике смерти узрел я убогость величья земного,
Всю ненужность стремлений во имя чего-то сгорать.

Осознав свою сущность, избавился я от сомнений,
От ошибок, грехов ни мудрее, ни чище не стал,
Созерцая сей мир, я лишь мира сего отраженье,
Лишь во имя познания сжигать свою душу не жаль.

В твоих глазах рыдающую осень,
Я нарисую красками печали,
У Бога мы прощения попросим –
За то, что мы любви не замечали,
Сгорая в жарком пламени страстей.

В твоей душе укрывшуюся осень
Я красками разлуки нарисую,
Продрогший ветер вдруг дохнет в лицо мне,
Твой светлый образ в сердце унесу я,
Чтоб в муках очищение обрести.

Забывшуюся в кудрях твоих осень
Я нарисую красками мечтаний,
И пусть судьба во мрак меня уносит,
И я познаю горечь ожиданий,
Я грусть воспоминаний сохраню.

Твоих очей задумчивую осень
Я нарисую красками прощенья,
Осенних слез неласковые росы,
Омоют нам сердца для просветленья,
И я зажгу в глазах твоих весну.

Я, из рая глаз твоих освобождаясь,
Больше песен о тебе не стану петь,
И от мира одиночество скрывая,
Ты ни разу не посмотришь мне во след,
Только болью затумянятся глаза.

В то, что мы чужими стали, не поверишь,
Испытать беду до срока не дано,
Просто тихо ты за мной закроешь двери,
Занавесишь ожиданием окно,
И дыхание разлуки ощутишь.

С грустью я тебя не раз, наверно, вспомню,
Я твой светлый образ в сердце сберегу,
Память в сердце отзовется сладкой болью,

Но уже не буду нужен никому,
Посмеется надо мной моя судьба.

Я, из рая глаз твоих освобождаясь,
Все осколки счастья молча соберу,
Неземной любви твоей не поклоняясь,
Богохульно выпью общую тоску
И уйду... Лишь боль поселится в сердцах.

Мне б слово сегодня найти долгожданное,
Что в бездонности глаз задрожало б слезой,
Да в душе у тебя загорелось бы пламенем,
Мои дни согревая в юдоли земной.

Мне б сердце найти у себя, бессердечного,
Что теплом растопило б мой мир ледяной
И меня, непутевого, лишнего, грешного
От тоски избавляли б свиданья с тобой.

Найти бы себя без беды одиночества,
Пусть не очень желанным, но в сердце твоём,
И простив нашей осени грусти пророчества,
По листве золотой нам шагать бы вдвоем.

Мне б счастья тебе пожелать, уходя...
Но как быть счастливой тебе, без меня?..

Боль мучительно тлеет, а нервы,
Словно струны рыдающей скрипки.
Ухожу я походкой неверной,
Как король, проигравший битву.

Ухожу, чтоб растаять безмолвно
В предрассветном, росистом тумане,
Лишь порой твою память невольно,
Потревожу словами признаний.

Лишь порою мой образ бесцельно,
Вдруг возникнет во сне пред тобою,

И жемчужины слез драгоценных,
Ты не скроешь ресниц бахромою.

Ты руками коснешься лишь тени,
Позовешь, только имя не вспомнишь,
И застынешь одна во Вселенной,
Забывая, что все это сон лишь.

Но «Прощай!» мое каменно-тяжко,
Ухожу, ни о чем не жалея,
Я король, сам себя потерявший,
Но... Какая была, королева!..

Ты знаешь?... Заплачет безгрешная осень,
Застыв над холодной бездной зимы.
Ты знаешь?... Леса это золото сбросят,
Всю боль одиночества миру явив.

И нас очарует пушистая снежность,
Мгновений, танцующих вальс для двоих,
А нежность... Любви бесконечная нежность,
Расстанется с нами, и нас не простит.

Но память... Она наши чувства встревожит,
И вспыхнут они нашей казни костром,
Шагнуть через бездну друг к другу не сможем,
Мы осень оплачем и боль обречем.

Мы знаем... Ведь осень умрет под снегами...
И Розы влюбленности будет нам жаль,
Мы верим... Весна улыбнется цветами.
Откуда ж тогда в моем сердце печаль?...

Когда случайно повернусь я к вам спиной,
И меч злословия повиснет надо мною.
Когда паду я под расстрельной клеветою,
Вы улыбнетесь, казнь мою назвав судьбою.

Когда в любви меня постигнет неудача,
И чистые порывы сердца я растрачу,
И осень желтою росой меня оплачет,
Вы улыбнетесь, боль мою назвав судьбою.

Когда обманут буду призрачной мечтою,
И иней грусти ляжет ранней сединою,
И я потуплю взор пред собственной душою,
Вы назовете одиночество судьбою.

Когда согнетесь вы от боли и потери,
И как вода в песках, иссякнет ваша Вера,
И вы поймете, я лишь ваше отраженье,
Проклятьем назовете стон свой, я – судьбою.

Я б поведал тебе, если б знал, что поймешь,
Как я жил после встречи с тобою.
Как терзала меня беспощадная ночь.
И глумилась боль надо мною,
В моих снах мне тебя возвращая.

Если б знал, что поймешь, рассказал бы тебе,
Как без встречи с тобой не живу я,
Как пытаюсь спасти пламя в нашем костре,
Чтобы вьюга его не задула.
Нам сердца остудившая вьюга.

Рассказал бы тебе, если б знал, что смогу,
Как мы к душам невинным жестоки,
Стонет филин в ночи, проклиная судьбу,
Он рыдает по нам, одиноким.
Не сумевшим спасти свои души.

Но сказать не смогу, ты не сможешь понять,
Мы растерянно ищем друг друга,
Словно светочи днем, наши души сгорят,
В заколдованном жизненном круге.
Будем памятью вечно судимы...

Вслед за ночью уйду на рассвете
Поклониться забытому храму,
И тоски раскаленные цепи
Я с собой заберу, как расплату
За короткое счастье любви.

Перед Богом паду на колени,
И молитвою душу омою,
В мою искренность Бог не поверит,
И мой ангел всплакнет надо мною,
Обреченность мою осознав.

Мои страхи, сомненья, тревоги
Вновь зануют, как старые раны,
И зловещие призраки боли
Прилетят, словно вестники ада,
Мою душу ведя на костер.

Я пойму, что за все я в ответе,
Но сильнее, наверно, не стану,
Вслед за ночью уйду на рассвете,
Отказавшись от встреч, расставаний...
Эта ночь приютит мою грусть.

По моим одиноким, холодным ночам,
Я устало бреду в неизвестность,
И веселая смерть здесь идет по пятам,
Только сердце все верит в бессмертье...

По осколкам когда-то разбитой мечты,
Я иду, в дикой власти инстинкта,
Все, что было в той жизни со мной и моим,
Растворилось прозрачною дымкой.

На кострах человеческих, темных страстей,
Вижу, души сгорают безвинно...
И улыбки оскал мой, судьбине моей,
Столь крутой и насмешливо-лживой.

Бесконечный мой путь исчезает во мгле,
Ну а мне бы дойти до рассвета...
И росы серебристой напиток бы мне,
Перед шагом, быть может, последним.

По моим, по холодным ночам я иду,
Со своею веселою смертью.
В одинокой ночи свою память распну...
Мне б дойти... Я дойду до рассвета...

Хочу вперед. Но некуда идти,
Никто меня нигде уже не ждет.
Нет никаких заслуг и нет вины,
Лишь шепчется влюбленный в осень дождь.
Да сумрак тяжелеет над землей.

Хочу остаться. Но не знаю, где
Мой дом, в котором теплится очаг,
И есть ли свет в единственном окне,
Зажженный кем-то только для меня.
Чтоб было в одиночестве тепло.

Хочу пожить... Но сумрак все тесней,
И я все меньше значу на земле...
И в жизни перевернутой моей,
Всего одна открылась тайна мне.
Не сила есть в познание, а печаль...

Адам САЛАХАНОВ

Недогоревшая петля

/Рассказ/

Раз уж в моем теперешнем состоянии сложно о чем-либо рассуждать, то лучше прислушаюсь к совету, что получил этой ночью из пламени. То был некий знак на листе бумаги, как будто кричавший: «...НАПИСАВ САМ ДЛЯ СЕБЯ ВЕСЬ ЭТОТ ДЕНЬ С САМОГО УТРА»... Похоже, тот, кто его оставил, копировал мои работы – там были еще обрывки, типа: «...эзотерический смысл этого дня открывается в процессе письма»... Не припомню, чтобы я когда-либо писал подобную чушь. Неужели он сочинял стихи?.. Горе-поэт. Судя по тому, что я видел, с музой своей он давно уже в разводе. Не сомневаюсь, что сделал доброе дело, скормив ненасытному пламени опусы этого писаки-колдуна... Его самого нужно было сжечь на костре – так же, как когда-то сжигали его «коллег». Не удивлюсь, если он тут чертил заклинания. Не просто же так ходят по округе эти слухи. Да и сам он, разве не обронил что-то про магию?.. Я достаточно ясно расслышал, как он проговорился о том, что убил кого-то... И произошло это в Моем Доме...

Но теперь все позади – пишу, и чувствую какую-то умиротворенность... А может быть, я просто внушил себе, что это какой-то знак, и все такое... Тем не менее не лишним будет описать все события этого дня – на тот случай, если вдруг полиция, или еще кто, хватятся этого человека. Хоть какое-то алиби... Но факт налицо: это занятие отвлекает мое сознание от ненужных размышлений. Что ж, попробую вспомнить весь этот день с самого утра...

Такое чувство, будто я вытянул билет из горящего камина, с заданием написать сочинение на тему: «Как я провел этот день». Точно помню, что первым словом, которое я сегодня произнес – более того, даже выкрикнул, в момент пробуждения, было – «Я!». И это был не просто крик. Я хотел сказать какому-то человеку – взбешенному, с перекошенным от злобы грязным лицом, о чем-то крайне важном. Мы находились в комнате, очень похожей на эту, и я предчувствовал нечто ужасное – он целился из ружья мне в голову. Я пытался ему что-то объяснить, но, похоже, напрасно – только еще больше разозлил. В отчаянии повысив голос, я спешил договорить. А в результате... Только приготовился произнести это слово «Я» – кажется, хотел закончить им какое-то предложение (не помню, что успел произнести до этого) – как он выстрелил. Дроби врезались в мою голову, расколов на бесчисленные осколки цветной экран моего бытия и... все погасло. «Выкл». Кино закончилось. Мое сознание погрузилось в полную тьму. Какое-то время я еще парил в ней... затем, парение замедлилось – и я погрузился в воду и поплыл... А потом невидимая волна выбросила меня на берег. И тут уже «Вкл» – свет включился. Я проснулся, выкрикнув: «Это Я!». И это «Я-я-я-я-ааа!» – эхом улетело куда-то вдаль...

Что же я хотел сказать ему?.. Может быть, что – «это Я!» или – «это был не Я»?.. Не помню. Осколки сна (как это обычно бывает), чем настойчивее пытаюсь вспомнить его, тем быстрее

погружаются во тьму. Не думаю, что смогу на словах передать, насколько я его возненавидел. Я сразу вспомнил байки про проклятого колдуна, бродящего в этих лесах. И мой убийца во сне – это был точно он. Теперь, после всего что произошло, у меня не осталось никаких сомнений – сон был вещим. Свет, увиденный мною в момент пробуждения, был вроде того, что брезжит в конце туннеля, но находился я, как вскоре выяснилось, совсем не там. Это была пещера. Раздавшийся глухой стук окончательно пробудил от размышлений на тему посмертных полетов души. Это упало ружье. Мое ружье. Видимо, перед сном я небрежно поставил его у стены и в момент пробуждения задел. Патронов в нем не оказалось. Оба ствола пусты. И тут я начал думать о всяком: о том, что больше не буду устраивать ночевки во время охоты, тем более в подобном месте... что только такой дурак, как я, мог забыть зарядить ружье, да еще на ночь глядя. Выковыривая из пояса два патрона двенадцатого калибра, я представлял, с каким бы удовольствием вышиб мозги из того злобного стрелка, чьего лица так и не сумел толком разглядеть...

Выйдя из пещеры, я потянулся, зевнул и, по привычке, резкими полуоборотами туловища сначала в одну, а потом в другую сторону насладился ожидаемым хрустом позвоночных дисков. Суставы приятно размялись. В дополнение к этому блаженству, я любовался природой, вдыхая полной грудью свежий воздух. Постепенно живой лес своей разноголосой симфонией отвлек меня от фантазии возмездия за жестоко прерванный сон. Запрокинув голову, я начал всматриваться в зеленые верхушки деревьев, в надежде отыскать – кому же принадлежат эти прекрасные голоса. Однако вместо поющих

птиц или скачущих с дерева на дерево белок неожиданно заметил поднимающуюся в небо из глубины леса змейку черного дыма. «Дыма без огня не бывает, а лес и огонь – весьма опасное сочетание...» Присмотревшись внимательнее, я пришел к выводу, что дым поднимается с той части леса, где находилось мое скромное жилище. Вновь пытаюсь припомнить подробности недавнего сна, уже не медля, я быстрым шагом направился в ту сторону, откуда шел дым. Примерно через час, устав от тщетных дум, сосредоточился на окружающей местности...

Продвигаясь по выбранному маршруту вдоль реки, вскоре услышал какие-то голоса. Цепляясь то за камни, то за торчавшие из земли там и сям коряги, тщетно стараясь не упасть, кое-как я все же спустился к реке и... увидел трех мальчиков разного возраста. Младшему, приблизительно, было лет семь, среднему – около десяти, а старшему – максимум, тринадцать. Скорее всего, братья. У старшего я заметил в руках что-то вроде спирали из проволоки. Такой обычно ловят щук. Средний плелся за ним с пустой сеткой. По его лицу было заметно – особых надежд на то, что приспособление старшего обеспечит их хоть каким-то уловом, он не возлагал. А младший, беспечно напевая себе под нос какую-то песню, швырял камни, собранные тут же на берегу, в воду. Вытирая рукой пот со лба, я задал им шуточный вопрос: «Ну, молодежь, сколько щук пришлось отпустить из жалости?» Судя по оторопевшим лицам, я не только застал их врасплох, но и нехило напугал. Я даже оглянулся, заподозрив, уж не стоит ли у меня за спиной медведь. Оказалось, что нет – все тот же лес и горы. Тут младший задал мне встречный, не менее забавный вопрос: «Дядя, а вы настоящий?» Я улыбнулся и сказал: «Тот же вопрос я могу

здать и тебе! Но, по крайней мере, для вас – да, я настоящий». Старший сразу же принялся оправдываться: «Извините. Это он просто зациклился на страшилке про призрака...» «Плоплижлака, ишкателя ошейника», – уточнил младший. Вдруг средний захохотал, а старший, с улыбкой на лице, сделал еще одну поправку: «Писателя-отшельника». И я сразу понял, что они из соседнего села, в котором я обычно запасуюсь продуктами, соляжкой и прочими необходимыми мелочами. Там вечно косо смотрят на чужаков, а уж за спиной сочиняют всякие байки покруче, чем какой-либо «искатель ошейника». Так и повторил я с притворным удивлением. Видать, их специально пугают, чтобы они не уходили далеко в лес... Тут, вспомнив о своем, я спросил: «Вы не заметили, кто-нибудь поднимался вверх по реке?» Переглянувшись, все трое хором ответили: «Нет!» Тем временем младший из мальчиков продолжил свой допрос: «Дядя, а што ш вашей ложей?» Это уже был перебор и, явно прочитав об этом на моем лице, старший наконец-то врезал мелкому вполне заслуженный подзатыльник. На что тот возмутился: «Жа штоо?» А средний, сквозь очередной приступ смеха, предложил младшему: «Скажи еще раз «писатель-отшельник»! Или, нет, как там еще рассказывала тетя перед сном?.. а-а, скажи: «сумасшедший самоубийца». На что тот с готовностью прошепелявил: «Щумащечи щамаубича». Теперь уже оба старших брата расхохотались. А тот, улыбаясь, начал чесать только что огретый затылок, явно радуясь тому, что всего-то двумя словами загладил свою недавнюю оплошность. Да, парню вполне нашлось бы о чем потолковать с логопедом. Улыбнувшись и пожелав им удачной рыбалки, я развернулся и продолжил свой путь в сторону дома. Прислушиваясь к их по-

степенно отдалявшимся оживленным голосам, подобным щебету встревоженных ласточек, я подивился переменчивости настроения в этом прекрасном возрасте. Только что они были не на шутку напуганы, а теперь вновь увлечены своими ребяческими забавами...

Часа через два или три я уже был близок к своим владениям. Сначала появилась темная точка. Потом сквозь деревья стало видно, как эта точка постепенно превращается в квадрат, и вот конечный итог его воплощения – бревенчатая изба. Чем ближе я подбирался к ней, тем глуше звучали голоса природы, пока не замерли в наплывшей тишине. Это меня насторожило. Внезапно я увидел свет в окне: кто-то зажег керосиновую лампу, но труба уже не дымила. Незванный гость, хозяйничающий в моем доме? Этого еще не хватало! В тридцати метрах от сруба находился старый бездонный колодец, выкопанный неизвестно когда и кем. Сколько я ни швырял в него камни и горящие факелы – никаких намеков на наличие дна. Какая-то космическая черная дыра, нашедшая приют на земле. Именно здесь, из-за необъяснимого влечения к этому таинственному колодцу, я выбрал место для постройки избышки, и даже проложил к нему тропинку из белых камушков от самого крыльца. К тому же, колодец был идеальным мусоропроводом.

Я уже подходил к дому и почти разомкнул челюсти, чтобы крикнуть: «Эй! Кто здесь?», когда мой взгляд непроизвольно упал на тот самый колодец. На минуту мне показалось (а такое ведь часто случается), что кто-то по неосторожности пролил на него немало краски. Однако приблизившись, я понял, что это кровь. Так и есть, стенки колодца были заляпаны настоящей кровью – в некоторых местах она уже

успела подсохнуть, а кое-где выглядела совсем свежей. В это мгновение у меня возникло очень ясное дежавю: как будто кого-то убили, а потом сбросили туда. И от этого чувства – а еще, вполне возможно, оттого что слишком уж загляделся, у меня резко закружилась голова. Я едва успел схватиться за край бортика, чтобы не полететь вниз, в эту непроглядную черноту. Отступив немного, пытаюсь остановить подкатившую тошноту, я сдавил пальцами виски. Головокружение, вроде, прошло. Расслабив пальцы и проведя ими по лицу, я вдруг почувствовал что-то липкое. Посмотрел на ладони. На них была кровь и ошметки высохшей грязи. «Это кровь с бортика колодца», – сразу понял я. А грязь... грязь, скорее всего, результат не очень удачного спуска к реке. Теперь мне стало понятно, на что намекал тот мелкий «дознатель» у реки. Его счастье, что он не видел меня в новом, кровавом раскрасе. На тропинке тоже были заметны следы крови – то ли от крыльца к колодцу, то ли наоборот...

Все еще раздумывая о том ужасе, который здесь творился, я вдруг поймал себя на мысли, что все это время нахожусь на виду. Одним быстрым рывком я переместился за колодец и, притаившись, стал прикидывать план нападения. «Кто бы ни проник в мой дом, это явно не Санта-Клаус с подарками»... И я не помню, чтобы оставлял окровавленные тела или что-либо еще, требующее уборки в мое отсутствие. «Уборку» в моем доме придется устроить мне. С этими мыслями, настроившись на бой, я выбрал для атаки эффект неожиданности – что-то вроде того, как если бы одним резким движением пришлось содрать лейкопластырь с болячки. В фильмах про спасение заложников это выглядит несколько иначе, но в моем случае единствен-

ным заложником, которого я желал спасти и уберечь, был я сам. И вот, я решился на штурм своей же крепости. Отвлекающий маневр – и стремительное нападение!..

Взведя курок своего ружья, я пальнул в воздух и проорал во всю глотку: «КТО БЫ ТЫ НИ БЫЛ, У ТЕБЯ РОВНО ПЯТЬ МИНУТ, ЧТОБЫ ВЫЙТИ ИЗ МОЕГО ДОМА С ПОДНЯТЫМИ РУКАМИ!» И сразу же, заменив вторым патроном стреляную гильзу, короткими перебежками, внимательно следя за окном и дверью, оказался у крыльца. Добежав до дома, я прижался спиной к стене рядом с дверным косяком и стал прислушиваться. Сначала мне послышался треск горящих в камине дров. Но потом я с удивлением опознал в этом звуке до боли знакомый и громкий стук клавиш своей печатной машинки. Действительно, этот человек что-то печатал – и, судя по всему, очень торопился. Я подумал: «Неужели он настолько глух – чтобы совершенно не реагировать на мой выстрел и предупреждение? Или, того хуже, псих какой-то!» Вот тебе и эффект неожиданности... Тем не менее он по-прежнему был поглощен своим печатаньем, и это обстоятельство все еще давало мне шанс застать его врасплох. Чтобы перевести дух и собраться с мыслями, я сосчитал до десяти. Рванув дверь на себя, я вломился внутрь и тут же взял его на мушку. Увидев меня, он воскликнул: «Черт!» – и подскочил как ужаленный. Задетый этим прыжком, стол качнулся в сторону, следом покатила керосиновая лампа, пролилось горячее, на полу вспыхнул огонь. Тогда он начал взывать к Богу. Топча ногами пламя, он бросал быстрые взгляды то на меня, то на огонь у себя под ногами. При этом бормотал что-то типа: «Боже мой, этого не может быть! Что за чертовщина!» Чтобы убедить его в том, что может быть

и не только это, я сделал еще один предупредительный выстрел ему под ноги. Он попятился, пока не оказался спиной к огню, да так, что лица в полутьме стало совсем не разглядеть. Но бред свой он и не думал прекращать: «Это какая-то магия или сон. Тебя не может быть. Неужели я обезумел?» От его трепя и чадающего дыма, отступившее было головокружение вернулось и переросло в мучительную боль. Не снимая пальца со спускового крючка и целясь прямо в лицо, я двинулся на него. По правде говоря, сначала я только хотел подобраться к нему и оглушить прикладом. Но, похоже, он точно был безумцем. Он заорал еще громче: «СТОЙ, СТОЙ, СТОЙ! НЕТ! Я ЗНАЮ, ТЫ ВИДЕЛ КРОВЬ, И ТЕБЕ ПОКАЗАЛОСЬ, ЧТО Я УБИЛ. ДА, НО ДАЙ МНЕ ОБЪЯСНИТЬ – НА САМОМ ДЕЛЕ ЭТО ТЫ!» С этими словами он бросился к столу, что-то схватил и развернулся с воплями: «ТОЧНЕЕ, ТЫ ЭТО...» – но в этот миг я выстрелил...

У меня не было выбора. Я не знал, что именно он взял со стола. Это могло быть что угодно: нож, пистолет или ружье. Самозащита с печальным исходом. Бедолага умолк навсегда. Слышен был только треск разгоравшегося огня. Стащив с кровати одеяло, как мог, я сбил пламя. В доме воцарились мрак и тишина. Открыв дверь, чтобы проветрить комнату, и взяв со стола спички, я достал запасную керосиновую лампу и зажег в ней фитиль. На полу вновь освещенной комнаты появились два темных силуэта – скомканное одеяло и мой незваный гость с листами бумаги в руке. Подойдя ближе, я увидел вместо лица сплошной кровавый фарш. И хотя все было и так ясно, для формальности, я все же проверил его пульс. Кто бы он ни был – вор, колдун или просто сумасшедший – отныне и навсегда – он покойник. Листы с отпечатанным текстом были

забрызганы кровью. Я швырнул их к камину... Еще я заметил, что этот безумец украл, точнее, вырядился в мой запасной охотничий камуфляж. Это надо же быть таким рассеянным! Я только сейчас вспомнил, что не проверил его карманы. Вдруг он что стырил. Теперь-то поздно. Ищи его во тьме. Только что я додумался проверить тайник. Цел. И книжная полка не тронута. Стаскивать с трупа свою одежду я и не думал. Более того, с ним самим нужно было что-то делать. И тут – как нарочно! – осенило: «Нет тела – нет дела». Закинув через плечо сначала ружье, а потом и его самого, я направился к колодезю. Добравшись, прислонил свой «груз 200» к бортику, немного отдышался, а затем, ухватив за поясницу, скинул тело вниз. Я так перестарался с броском, что чуть было сам не полетел следом. Наконец, выпрямившись, чтобы немного размяться, вдруг почувствовал непривычную легкость в правом плече. Как оказалось, вместе с телом в колодез полетело и мое ружье. Да, борец или грузчик из меня никакой. Вернувшись в дом, я подобрал одеяло, отодвинул обугленную лампу в угол и вытер с пола и со стола следы крови. Собрав раскиданные листы, которые он испачкал сначала своей писаниной, а потом и собственной кровью – я взял со стола спичечный коробок и, раздумав терять время на чтение, подошел к камину. Поджигая их последними спичками, подумал о том, что завтра придется снова спускаться в то самое село, к этим невеждам. Пополнить свои запасы. Загоревшиеся листки я сунул под дровишки. Немного погодя, когда огнем занялись и они, положил сверху еще и свернутое в комок одеяло...

Наблюдая за тем, как пламя пожирает чьи-то мысли в виде бутерброда из бумаги и чернил, я задумался о взаимосвязи своего вещего сна

и дежавю. И вдруг заметил те самые, недогоревшие полоски бумаги с обрывками текста. «Наверное, отсырели, пропитавшись кровью»... Эти обрывки вдруг показались мне чем-то вроде знамения или типа того. В общем, навели на мысль начать писать. В итоге, так я и сел за эту машинку и начал печатать этот текст. Действительно, «написав сам для себя весь этот день с самого утра», я как будто камень с души снял. Так сказать, исповедь бумаге или самому себе. Но второй фрагмент сгоревшего текста – про то, что «эзотерический смысл этого дня открывается в процессе письма», пока что ничего мне не дал. Наверно, все же надо было прочесть его целиком, перед тем как сжечь. Хотя бы ради интереса, что творилось в его безумной голове... Да, поспешил. Просто он был мне настолько противен, что я только и думал, как бы поскорее избавиться от него...

С самого своего пробуждения от вещего сна я находился в состоянии предчувствия чего-то или кого-то чужого. Это не просто передать на бумаге. Но такое ощущение сопровождало меня весь этот день. От пещеры, в которой я проснулся ранним утром, и до самого колодца. А дальше – сплошное головокружительное дежавю, в финальной стадии своей перешедшее в острую боль. Но теперь мне, действительно, лучше. Очень успокаивающее занятие. Такое странное чувство – как будто уста превратились в пальцы, чернила в машинке – это мой голос, а листок, на который ложатся размышления – это ухо или сознание самого внимательного слушателя. В такие вот моменты совершенно плевать на тех, кто воспринимает писательство в штыки. Иногда я думаю: невежество – это их карма за ненависть к культуре... или они просто по причине лени своей не желают заглядывать

в эту дверь мудрости в образе обычной книги – тем самым деградируя в тех же невежд. Я вспомнил про мальчиков у реки. Им ведь тоже внушили, что писательство – это зло, колдовство и еще черт знает что. Я тешу себя мыслью, что сделано это было только ради того, чтобы они не совались в мои владения. Этот вечно настроженный взгляд, которым меня всегда встречают там, внизу... Как будто человек не имеет права на отказ от цивилизации, уйти с работы, продать дом и поселиться наедине с природой. Хотя причиной косых взглядов – как и вопроса того мелкого «дознавателя» – может быть мой вид. Из-за того, что я все никак не решусь вновь завести зеркало, так как хорошо знаю его участь. Очередная депрессия – и все: или я или оно. А этому стаду только бы найти новую тему для сплетен, которые даже меня заставляют задуматься. В особенности про то, что создателя образов в Судный день ожидает жестокое наказание. Где-то я даже слышал, что наказывать его будут созданные им же герои. Хотелось бы спросить у этих умников: «А как же тот бред, что придумываете вы сами за каждой спиной?» Они считают нормальным то, что их детей зомбируют через спутник. Гипнотизер с одним глазом в виде экрана телевизора – лучшее, что могла придумать проклятая система. «Пульт управления людьми», как точно заметил один русский писатель по фамилии Пелевин. В итоге, они сами уже наказаны, увязнув в этой соцпаутине... Думают, что у них есть выбор. На самом деле, им предлагают выбрать один из вариантов в пирамиде выборов – в которой все давно уже предусмотрено. От первых, подобно сиренам влекущих к себе ступеней – до венчающего ее конуса итоговой человековыжималки. Тешу себя лишь тем, что общего у меня с ними

– только эта планета. А порой после недолгого пребывания в обществе даже это угнетает. Вот и приходится иногда уходить в свой мир – в себя, в галактику своего мозга. Подальше от фальши. Этот порой спасительный поход на встречу.....

...Только что, как гром среди ясного неба, раздался выстрел и, полный невыразимого отчаяния, крик. Эпицентром его поражения было мое сознание. Или я увлекся мыслями, или

керосиновый угар привел меня к слуховым галлюцинациям. Я четко расслышал, как снаружи кто-то выстрелил из ружья и прокричал мною же произнесенные пару часов назад слова. Как будто мое же заблудившееся в горах эхо вернулось сюда. Или это дурацкая пародия какого-то шутника. Жаль, что я выронил ружье. Все это наводит меня на странную мысль. Но, думаю, подождав одну минуту, я узнаю... насколько возможно то, что...

Некоторая часть кое-чего

/Рассказ/

На последнем издыхании, она все-таки зацепилась за ручку и вскочила на подножку набиравшего скорость поезда. Перед проводником, в тамбуре вагона N 1900 с надписью «Потерянное поколение», она, оправдываясь, тараторила:

– Я, конечно, извиняюсь за такую посадку, но у дедушки Федора из Степанченко будет очередной приступ, если я не доставлю подпольную записку Антону Палычу, на тот край степи. Иначе преступная дуэль приведет к драматическому наказанию!

– Значит, вам к машинисту, – сделал вывод проводник и махнул рукой себе за спину.

Только она вошла в вагон N 1910, как в нос ударил запах фосгена. Пол был липким от крови. За окнами началась стрельба и мелькали вспышки. Какой-то усатый американец опустил письмо в почтовый ящик и исчез. В дальних углах она заметила двух французов, тоже с усами и с проборами на головах. Один приютился у живого огня, второй (в углу напротив) ковырялся в поисках чего-то в часовом механизме. Прокомментировал все это зрелище некий (как он

представился) Женья: «На лучшее будущее мы и не надеемся». Молча кивнув, она юркнула в 1920-ый вагон, над входом которого была нацарапана надпись: «Величайшее поколение».

Здесь ее вниманию представилась мастерская, где за одним столом сидел коротышка с мелкими усиками и в очках и чертил величайший маршрут – через город, человека, чувства, искусства, миры – разрушая все это для модернеинкарнации. За другим столиком – меланхоличная леди писала: «Любовь моя (зачеркнуто «Вита» и еще одно слово рядом), Орландо, как только волны успокоятся, собираемся на маяк, – если найду время между актов»... От чтения письма ее отвлекло некое насекомое под столом, занятое процессом строительства замка. Соседи слева, двое русских под морфием, не по-павловски ставили опыты над собакой, готовя ее к службе в конармии. Ассистент-немец заметил, что собака похожа то ли на волка степного, то ли на Сиддхартху. За четвертым столиком спорили американцы: один – о величии некого Гэтсби, а второй, в противовес первому, взывал к Ктулху. Чем ввели третьего собеседника-южанина в

ярость – и под эту перепалку она побежала дальше, в вагон N 1930. В нем провозжали в нежную ночь последнего магната, звоня в колокол. Он (Фениган) и не мечтал о таких поминках и о последующем путешествии на край ночи, сквозь тропик рака, в дивный новый мир. Даже вместо могилы был вырыт целый котлован. А за окном спешащий к этому дню саранчи Натаниэль и его скорбящая подруга, увернувшись от вplyвшей парочки птиц и одного из троих полицейских, разбились, размазав содержание своих голов на все окно поезда. От увиденного зрелища пучеглазого француза в очках наконец-то вырвало, и он аж вздохнул свободно. На двери вагона N 1940 красовалась кровавая надпись: «Молчаливое поколение». Через стекло было видно, как англичанин под рисунком скотного двора переставлял цифры 4 и 8, поместив их перед цифрой 19. Аргентинец изобразил там же сады, с расходящимися тропами в виде сабель, и подписал: Фунес. А рядом французский летчик рисовал для какого-то мальчугана барашка. И от их идиллии второй француз, чувствуя себя посторонним, со снобизмом Калигулы отошел в сторону. Она решила постучаться.

– Войдите! – раздался голос ирландского коротышки в круглых очках.

Она вошла. Другой ирландец записывал что-то в блокнот, бормоча: «Это, конечно, не Годо, которого я ожидал, но...» – хлопок двери (она не рассчитала замах) качнул поезд. Очки коротышки треснули – как и окно за его спиной. Оно вылетело, превратив проем в вытяжку, высасывающую все в вагоне наружу. Началась разгерметизация и паника. И только меланхоличная леди, сохраняя спокойствие, с тамерлановской апатией собирала камни в карманы, приговаривая: «После 1910-го ваго-

на весь поезд изменился». Как только начали проезжать мост, она открыла окно – противоположное тому, за подоконник которого держался ирландский коротышка. Уже весь высосанный наружу, он, ляпнув риторическое «Меня что, никто не понимает?», отпустил подоконник и улетел в ночь. Меланхоличной леди у окна тоже не было уже, заметила героиня, перебегая в вагон N 1950. Что бы ни подразумевала надпись «Беби-бум» на двери, эпидемия паники перекочевала и сюда. Полуслепой старик тянул рыбу-меч из одного окна; из другого бывший военный вытаскивал детей из пропасти, с рожью в волосах – которые тут же приносили в жертву повелителю мух книги, предавая их огню в день Фаренгейта. Некий русский эмигрант поинтересовался у рыжего человека с огоньком, по имени Педро Парамо: «Нет ли среди этих детишек девочки по имени Лолита?» – смакуя это имя во рту, как леденец... В то время как в одном углу умирал некто Малон, в другом – трое американцев спорили: двое не могли решить, разумно ли собираться с голым завтраком в дорогу, в то время, как третий вопил: «Вы же лучшие умы моего поколения!» И только двое пассажиров поодаль ехали спокойно: сутулый француз с чемоданом и котом по имени (если верить ошейнику) Бебер и усатый немец, пыхтящий трубкой и отбивающий пальцами другой руки эксцентричный мотив на жестяном барабане. Под этот саундтрек она просеменила в следующий вагон N 1960. Здешняя атмосфера была еще более гротескной – от симбиоза напалма и кислоты, голоса, звучавшие в вагоне, превращались в гот-письмо, выжигавшее в ее сознании, что:

модели для сборки игры в классики подсказали аргентинцу Хронопы и Фомы из его снови-

дений; от уловов Джозефа зазвучала колыбель для кошки, и дети собрались в крестовый поход на бойню N 5; за 100 лет одинокого ожидания полковнику все еще не пришло письмо; разумность океана Станислава далеко не нова для трилогии Уильяма; сублимировав ирландского Улисса в верлибровый Кантос, можно разжечь Бледное пламя из щепок примечаний; если долго летать над кукушкиным гнездом (на мотоцикле или механизме заводного апельсина), можно влететь в посвящение к Радуге тяготения; истории обыкновенного безумия женщин от магии Волхов-Коллекционеров опасны для французского лейтенанта; из-под стеклянного колпака сговорившихся дураков можно выбраться через газовую духовку или на машине с выхлопом в салон...

Шипение настраивает ее на прежнюю волну.

– Не знаю, о чем мечтают электроовцы. Но вам, как человекоподобной, это еще пригодится – и сказавший это американец протягивает ей аэрозольный баллончик Убика, из которого только что обрызгал ее. Выходя из вагона, она замечает другого американца, у окна, с удочкой на форель, и похожего на обезумевшего Пушкина француза, собирающего вещи. В вагоне N 1970 «Поколения X» презентовалась жестокая выставка, посвященная крушению высотки в центре бетонного острова – которая проецировала разные чувства: то страх и отвращение, то ностальгию по регтайму, то способы употребления жизни, а то и помутнение. Отвлекала только хиппозная радуга тяготения. И некий, несомненно обдолбанный, путник грезил – как однажды зимней ночью, оседлав Химеру, пролетал сквозь нее, когда автостопил по Галактике. И вдруг из смога в углу выступил какой-то алкаш и обратился к

юноше в шляпе с просьбой – вытащить шило из его шеи. В ответ, перебивая сам себя, молодой человек начал тараторить голосом то ли собаки, то ли волка, что: «Водокачка будет нас ругать, а Савл Норвегов будет хвалить; нет, он Павел, да, все мы прохожие...» От этого спора она упорхнула в вагон N 1980. Где за одним окном можно было заметить города красной ночи, пространства мертвых дорог и западные земли в целом. А за другим окном – шагая по стеклу с невыносимой легкостью бытия – она могла видеть осиную фабрику с машиной различий, которую пытались разглядеть нейромантик в круглых очках и его кореш. Им она и вручила флакончик Убика. Напротив них сидел японец с крысиной мордой – разглядывая свои руки, он интересовался у соседа, с такой же крысиной мордой: «Есть ли в 10½ главах истории мира что-нибудь про тонкости охоты на овец?» На что Ихаб (к которому воззвали все) заметил: «Как бы там ни было, Вирджиния была права, насчет вагона N 1910. После него состав поезда изменился. Не говоря уже о сверхперемене после 1940-го вагона»...

После чего она перешла в обозначенный как «Поколение Y» вагон-ресторан N 1990. Здесь, пока за одним столом царило шумное веселье с бесконечными шутками пятерых американцев, из-за стола рядом какой-то русский в черных очках прокричал:

– Да кем вы себя возомнили!? Думаете криптонанеками шифрануть ваши америкэн-психопатские байки икс-поколения!? Да плевал я на первые правила вашего клуба! У нас есть свое поколение, и оно пи... – не дав ему договорить, рот его накрыла рука седовласого сотрапезника, с бородкой в стиле Троцкого, из эпицентра которой, как из абсолютной пустоты, прозвучало:

– Но-но-но, Витя! Хорош уже. Забей. Ты это, лучше почаще закусывай... – и пододвинул к нему тарелку с салом голубого оттенка. Уже на выходе из вагон-ресторана до нее донесся чей-то голос: «Как бы милосердно не анатомировали... до чего ж оно все запоздало». Первое, что бросалось в глаза в вагоне N 2000 – это душевраздирающее творение ошеломляющего гения. И возведено оно было во славу и защиту Зейтуна – в виде чего-то, вроде дома из листьев, в котором кишели призраки и вампиры в шлемах ужаса. И ни колыбельная, ни ананасная вода не могли умерить их тревогу после бесчестия. Ибо оно было предречено при жизни Михаэлем К. – еще во времена ожидания нашествия варваров. Она заметила, что сидящий за печатной машинкой лысый американец взял пистолет и явно задумал покинуть царство страха. Но тут же ее внимание привлек другой американец, в бандане и очках – он намыливал веревку. И как только раздался выстрел, парень этот весь переменялся в лице и уставился на суицидника глазами омара...

Открывая дверь с надписью «Поколение Z», похожей на венерин волос, она нашла вагон N 2010 непривычно спокойным. Хоть он и кишел мальчиками на дозе, которых пыталась прогнать какая-то продажная тварь... Сначала она было подумала, что это и есть машинист. Но, увидев за этим ниггером еще одну дверь, она вошла в нее. Это и была котельная. Спиной к ней сидел, с мутно вырисовывающимся силуэтом, мужчина. Перед ним стоял маленький столик. На нем едва теплилась свечка. Она перевела дух, и:

– Добрый вечер! Мне сказали уточнить наш маршрут у Вас. Тут такая история случилась, дедушка Фе...

– Дальше самого старого ныне живущего человека истории не существует, – уточнил силуэт.

– Извините... Но, кажется, я не совсем...

– Да все ты поняла, Анна! – обернулся к ней (как оказалось) седовласый старик, с густой бородой и залысынами до темени, – и про поезд, и про каждый вагон, и про состав каждого вагона... И то, что не ты успела на поезд, а наоборот. Это тебе не желтая стрела, и кондуктор тут не Виктор, ибо путь свой мы держим не из Винляндии, по указу Томаса. Ты просто боишься признать, насколько все наоборот, и куда все это тебя приведет. Ведь мы всегда занавешиваем свои страхи красочными шелками своих хотений...

– Но если мне так хочется...

– Ты своими хотеньями меня не перебивай, стерва! Мне и так стремно сейчас, когда я и сам стал голосом в чужой голове. Тебя еще не хватало... Человек всю жизнь мается в жмурки с этими голосами, якобы пытаюсь понять, кто из них есть истинный он. Хотя в глубине души и понимает, что он – это тот, кто слушает эти самые голоса в голове. Ибо расщепляет нас не времени поток, но слов.

Последние слова старца, подобно заклинанию, закрутили такой мыслеворот в голове и воспламенили свечу таким жаром и ослепительным сиянием, что... пришлось зажмуриться в непросветную тьму.

Кунацкая Наны

Мухадин БЕМУРЗОВ

Родился 7 апреля 1948 года в ауле Али-Бердуковский Черкесской АО. В 1966 году окончил школу. Получил высшее образование в Карачаево-Черкесском Государственном педагогическом институте. С 1971 года работал учителем черкесского языка и литературы в ауле Али-Бердуковский. Участник первого Всесоюзного Съезда педагогических работников в 1989 году. Заслуженный учитель КЧР (1997 г.), Народный поэт КЧР (1998 г.), лауреат международной Кандуровской премии (1998 г.), член Союза писателей России. В 1972 году выходит сборник стихов черкесских поэтов под названием «Односельчане», где печатаются и стихотворения Бемурзова. В последующем из-под его пера выходит четыре сборника стихов: «История отваги» (1981 г.), «Ты моя песня» (1990 г.), «Снег на солнечной стороне» (1993 г.), «Трудно быть адыгом» (2002 г.). Так же Мухадин Бемурзов является автором учебников по черкесской литературе для школьной программы.

МАТЕРИ

С тех пор, как я живу на этом свете,
Моя родная, ласковая мать,
Различных песен, вдумчивых и светлых,
Немало довелось мне услышать.
Одни опорой в жизни мне бывали,
Деля со мною радость и беду,
Другие к чести и свершеньям звали,
От третьих и сейчас душа в бреду.
Но только лишь одну, из тех, что пели,
Пронес я талисманом сквозь года –
Ту песню, что у детской колыбели
Ты, мама, напевала мне всегда...

Рассветает. Небо и земля
Новый день лелеют в колыбели.
Вечной каплей твердь земли деля,
Бьются реки в пустоту расщелин.

Сиротеет небо без звезды.
Предрассветье зори дожигает.
В седине туманной бороды
Лес сохатый стадом проплывает.

ПУСКАЙ

Пускай ослепну, потеряв тебя,
Прощального не видя лицемерья.
И лучше в слепоту свою поверю,
Чем в то, что меня предали, любя...
Пускай я проживу глухонемым,
Но не услышу этих слов жестоких,
И, у тебя вымаливая крохи,
Не погрешу сознанием мужским.
И, уходя, оставь меня безногим,
Чтоб не шагнул за адом я своим...

В ночном саду свирепствовала буря,
 Ломая руки скорбные ветвей.
 И старый сад, в испуге обезумев,
 Стучался в окна улицы моей.
 ...А новый день, отпраздновав крещение,
 Узнал, что за ночь выжил старый сад.
 Но, словно платой за свое спасенье,
 В седом убранстве яблони стоят.

ДИАЛОГ

– На этом свете человек я лишний,
 И нет другого на планете всей,
 Кто бы нуждался в выпавшей мне жизни,
 Помимо старой матери моей...
 – Зачем тогда ты жмешься сиротливо,
 Роняя эти грустные слова? –
 Ведь всех на свете был бы я счастливей,
 Будь мама моя милая жива...

Опять ты, мир, горишь в огне,
 В людском несчастье, в чьем-то горе.
 И в детском беспокойном сне
 Опять судьба со смертью спорят.
 И птиц пугаясь, смотрят ввысь,
 Ждут милости от самолетов.

Когда же обернется жизнь
 Весенней милостью природы?
 Или игривою рукой,
 Как детский мяч рекою горной,
 Последней атомной волной
 Накроет мир мой беспокойный?...

ВЕСНОЮ, ЛЕТОМ, ОСЕНЬЮ, ЗИМОЮ...

Весною, летом, осенью, зимою
 Уходят годы сонной чередою.
 Одни в любви нам в жизни признаются,
 Другие сердцу горем достаются.

Все оставляем мы под жерновами –
 И жизнь, и слезы – все, что было с нами,
 Все то, что затаили и простили,
 Все то, о чем ночами мы грустили.

Эй, время, время, горю не внимая,
 И так ты дни из горсти отнимаешь –
 Дай молодости, седины не знавшей,
 Узнать – что значит, стать на радость старше,

Дай им еще раз для родных проснуться,
 Дай их губам скучавшим прикоснуться
 К вискам, осеребриться не успевшим,
 К сердцам, на боль одну осиротевшим...

*Перевод с кабардино-черкесского
 Зураба Бемурзова*

Публицистика

Нана СААКАШВИЛИ

Родилась в г. Ахмета Грузинской ССР. В 1989 году поступила на филологический факультет Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого. В 1992 году перевелась в государственный университет им. М. Джавахишвили г. Тбилиси, который окончила в 1994 году. Работала специальным корреспондентом газет «Резонанс», «Меридиан» (Тбилиси). Занималась репетиторством. Живет в г. Ахмета.

Бацбийцы

К вопросу о происхождении и сохранении родного языка

Кахетия – сердце Грузии. Хлебосольная, пестрая, с богатой историей. С любой точки ее открывается изумительный вид на вершины Большого Кавказского хребта, который буквально нависает над Алазанской долиной. Здесь, в верховьях Алазани, возле города Ахмета, в селе Алвани проживают тушины. Современная Тушетия подразделяется на Горную, расположенную на севере от Кахетии, и Низменную – расположенную на Алванской равнине. Горная Тушетия на востоке граничит с Дагестаном, на севере – с Чечней, на западе и на юге – с регионами Грузии, Хевсуретией и Кахетией. Регион делится на четыре

основные общины: Пирикита, Гомецари, Цова и Чагма. Проживающие в Гомецари, Чагма и Пирикити тушины говорят на тушинском диалекте грузинского языка, а цова-тушины – на бацбийском языке. Название этого маленького народа, численность которого около 3000 человек, происходит от Цовата, одной из четырех исторических общин.

Бацби – самоназвание цова-тушин. Как, например, маргал у мегрелов, нохчий у чеченцев, галгай у ингушей.

Но за пределами своего этноса чеченцев нигде не называют нохчий, это их «домашнее» название. Так и цова-тушины называют себя бацби. Цова-тушины билингвы, говорят на тушинском (бацби-мот) и при этом исторически прекрасно владеют грузинским языком. На письме используют грузинский алфавит. Тушины проживают на территории Грузии с давних времен и являются чуть ли не самыми древними жителями Грузии. Стихийное бедствие и эпидемия вынудили цова-тушин переселиться с гор в низинные районы. Лингвистическое сходство цова-тушинского языка (бацби-мот) с нахским осталось, в том числе и так называемая корневая лексика. Например: Дал (Бог), нан (мама), хи (вода), мекх (хлеб), матх (солнце)... Праздник Далаоба (Божественность) от вайнахского слова Дела...

Не только язык, но и традиции сохранили память о тех временах, когда древние грузины-туши проживали в горах с вайнахами. Например, цова-тушины, хоть и православные христиане, не едят свинину (правда, это мясо не употребляли также жители Пшави и Хевсуретии), традиция избегания «Узрахоба», когда невеста около года не говорит со свекром и свекровью, братьями мужа. У тушинов имеются свои, отличные от других грузин, обычаи. Например, горские патриархальные устои запрещают женщинам входить в святые места. Их не допускают туда, где варят местное пиво. Соседство с вайнахами повлияло также на строение и архитектуру тушинских домов. Есть все основания для предположения, что родоначальниками башенного строительства в горной зоне Восточной Грузии являются предки ингушей. В Горной Тушетии для строительства башен приглашали знаменитых мастеров из соседнего чеченского села майстов (кистов). Майстинцы славились

знанием медицины, знанием строительства боевых башен, и тушины нередко прибегали к их помощи. Башни служили наблюдательным пунктом и убежищем от набегов захватчиков. Несмотря на множество элементов, которые напрямую указывают на сходство цова-тушинов с вайнахами (сходство языка, обычаев, традиции и архитектуры), многие исследователи уверены, что цова-тушины – это древние грузины.

Грузинские ученые, изучающие вопрос о цова-тушинах, делятся на две группы. Одни считают, что их предки пришли в Восточную Грузию с Северного Кавказа, другие придерживаются мнения о том, что предки цова-тушинцев изначально проживали в этих местах и никакими мигрантами не являются. Одни ученые считают, что бацбийцы – это христианские кистинцы, оказавшиеся в изоляции от других вайнахов в XVIII-XIX веках. Этнограф-кавказист Н. Волкова во время экспедиции в Горной Тушетии привела следующие слова местного жителя: «Мы, цовцы – грузины, но по происхождению кистинцы, и язык наш родствен кистинскому. На сегодня мы, цовцы, являемся частью тушин, но пришедшими с другой, западной стороны, из страны Галгай. Когда шах Аббас хотел обратить всех горцев в мусульманство, тогда наши предки подались в горные районы Грузии. По другой версии, в Ингушетии, где жили предки цова-тушин, была проблема малоземелья. Поэтому они решили искать для поселения новые пригодные земли. Местность, из которой они мигрировали, называлась Вапи (Ваби), вблизи ингушского села Эрзи в Джейрахском ущелье».

Грузинский историк Абрам Шавхелишвили пишет: «На самом деле, бацбийцы ниоткуда не приходили, а являются коренным догрузинским населением Горной Тушетии». Чеченский историк Хасан Бакаев: «Если бы бацбийцы были переселенцами из Чечни или Ингушетии, то кахетинские горцы их тоже называли бы кистами или кистинцами. Ведь когда кахетинский горец отправлялся в горы Кии, он говорил, что идет в Кистов, отсюда произошел этоним – Кист. Это название грузины распространяли на всех чеченцев и ингушей. Цова-тушинов кахетинские горцы никогда не называли кистами».

В 1926 году советский лингвист-востоковед Анатолий Генко проводил исследования языка и отметил, что цова-тушинский язык находится на грани исчезновения.

Житель села Земо-Алвани Леван Дурмишханидзе: «Этот процесс продолжается по сей день. Появляются смешанные семьи, и в молодых семьях все меньше и меньше говорят на бацби-мот (тушинском). У меня и моей супруги были бабушки и дедушки, которые говорили с нами на тушинском языке. Нам повезло, и мы научились говорить на бацби-мот в естественной среде. Сегодня дети изучают английский язык, ходят на разные кружки, и мы говорим с нашими детьми на бацби-мот слишком мало для того,

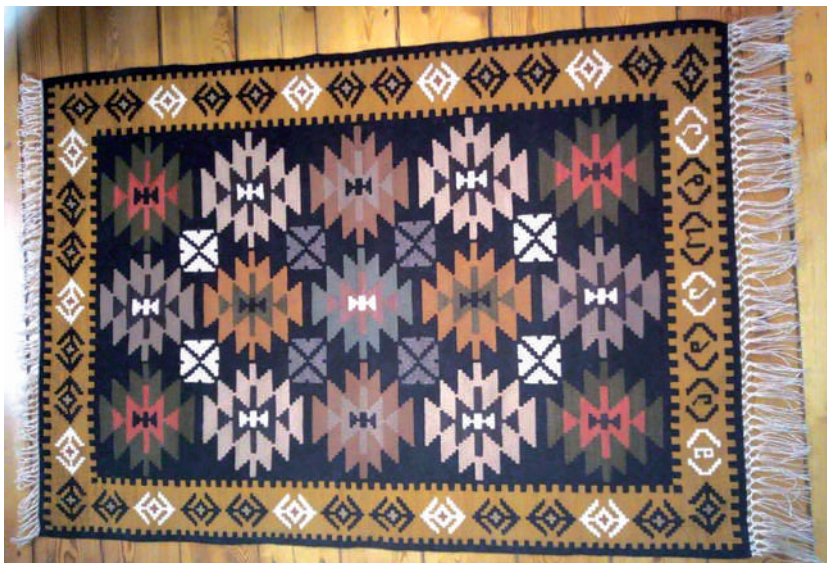
чтобы они говорили на нем между собой. Хотя знают и понимают много слов.

В последнее время интерес к цова-тушинцам растет, и мы этому рады... Приезжал ко мне гость из Чечни, интересовался нашим языком, происхождением цова-тушинцев и задал такой вопрос: «Вы считаете себя грузинами?» Я ему объяснил, что мы не отрицаем связь цова-тушинцев с нахами, но мы не вайнахи. У нас два родных языка – грузинский и бацби-мот, т. е. тушинский. Тушинцы – древнегрузинский народ. Об этом есть много исследований грузинских и русских историков и лингвистов. Да, я согласен, что мы братья, но не отдельно взятые туши и чеченцы, а весь кавказский народ: грузины, чеченцы, ингуши, дагестанцы. У нас много общего: обычаи, традиции, культура. Не имеет значения, на каком языке мы молимся, мы едины!»

Ашира Абшидзе, старейшина села Земо-Алвани: «Мы, тушинцы, овцеводы. Наши предки жили в горах по соседству с вайнахами. Не удивительно, что в речи появились и сохранились нахские слова. Наша молодежь, с помощью профессоров телавского университета, старается поддержать и сохранить язык. Например, издали словарь, и это хорошо, но язык живой организм, надо, чтобы на нем говорили».

Сегодня прекрасные села в горах Тушетии пусты. Зима здесь суровая, и жить в горах сложно. Дороги опасны, села не газифицированы, нет интернета и элементарных удобств. Несмотря на все это, каждое лето села наполняются жителями, приезжают туристы. Устраиваются большие застолья, в больших котлах варят знаменитые тушинские хинкали, особенностью которых является пряная трава, которая растет только в горах Тушетии, и в этих хинкали отсутствует свинина.

Так как тушины занимались скотоводством, а особенно овцеводством, то этот фактор отразился и на их кухне. Например, знаменитый тушинский бараний сыр «гуда». В заранее приготовленные мешочки из очищенной и обработанной овечьей шкуры, которая называется «гуда» (отсюда название сыра «гуда»), помещали уже сваренный овечий сыр и выдерживали его в рассоле в деревянной бочке несколько месяцев. Этот сыр имеет специфический запах, но обладает потрясающим вкусом. Как уже было сказано, тушинцы занимаются овцеводством, что дает большое количество шерсти. В связи с этим в Земо-Алвани из производств наиболее развита кустарная промышленность. Ткут здесь главным образом паласы, пардаги, шали, вяжут цветные носки, оригинальную шерстяную обувь (чити). Чити изготавливают из ниток разных цветов и с различными тушинскими орнаментами.

Очень интересен обычай гостеприимства. По правилам гостеприимства, каждый тушин обязан резать для гостей если не корову, то хотя бы барана. Каждый тушинец дорожит любимым оружием или лошадью, но весьма часто, без сожаления, подносит их своему кунаку, если только заметит, что они нравятся ему. Раньше хозяин должен был ручаться за жизнь гостя под своей кровлей и сражаться за него до последнего. Нарушение же таковых священных правил гостеприимства, измена гостю, навлекает неизгладимый позор на много поколений. «Лучше бы человеку надеть покрывало собственной жены, чем изменить своему приятелю!» – говорят тушинцы.

Публицистика

Ибрагим ГАМЗАТОВ

Аккорды жизни

Очерк

«Без культуры нет нации» – эти слова принадлежат великому сыну чеченского народа, Первому Президенту Чеченской республики, Герою России Ахмат-Хаджи Кадырову. И одним из основных, краеугольных камней национальной культуры является музыка. Почти каждый день мы слышим и слушаем песни в исполнении популярных чеченских исполнителей, но мало кто задумывается, кто является создателем музыкальных композиций. Все слышали такие произведения, как «Ингушский танец», «Танец терских чеченцев», «Чечено-Ингушский праздничный танец», «Память сердца», «Традиционный танец», «Девичья вечеринка», «Состязание», «Зезаг». Но не многие знают, особенно молодое поколение, что автором этих музыкальных композиций является гениальный маэстро, талантливый композитор, заслуженный деятель искусств ЧИАССР Зайнудин (Зайнди) Магомедович Чергизбиев.

Родился будущий гениальный композитор 23 апреля 1937 года в селении Юрт-Аух Хасавюртовского округа Дагестанской АССР в простой крестьянской семье Магомеда и Ровзет Чергизбиевых. Зайнди, спустя годы, сменил букву «с» в своей фамилии на букву «з», для более музыкального ее звучания.

Основатель фамилии Чергизбиевых, дед Зайнди, Чергисби Болатханов родился в 1871 году. Чергисби окончил Темир-Хан-Шуринское кадетское училище и нес военную службу в Баку. Дослужился до чина полковника в царской армии, командовал азербайджанским полком Дикой дивизии в Первую мировую войну.

С первых дней Октябрьской революции Чергисби окончательно и бесповоротно перешел на сторону новой Советской власти. Был командиром партизанского отряда, который воевал с белогвардейцами в составе Первой конной армии командарма Семена Буденного. Вместе с Болатхановым все тяготы боев за новую Советскую власть делили и его земляки – юртауховцы и акташауховцы. За храбрость и мужество, а также за незаурядные способности командармом Семеном Михайловичем Буденным Чергисби был награжден именованным оружием – саблей, на которой было выгравирована надпись «От Буденного полковнику Болатханову».

Отгремела – отзвучала кровавая Гражданская война, разделившая некогда единую Российскую империю на два лагеря: красных и белых. В родной Юрт-Аух вернулся и Чергисби Болатханов. Как рассказывала впоследствии Хасимат – дочь Чергисби, после возвращения он поехал в Ачи-Буэра, местечко неподалеку от Артизана под Хасавюртом. Там в дореволюционное время были земли, которые принадлежали его деду. Оттуда Чергисби поехал к своему русскому другу, военному в Хасавюрте. Военком рассказал Чергисби, что его хотят арестовать, обвинив в содействии абрекам. Чергисби ответил: «Я до революции служил в Азербайджане. Воевал в Первую мировую войну. С первых дней установления Советской власти перешел на сторону трудящихся и активно принимал участие в борьбе против белогвардейцев и интервентов. Если меня и арестуют, то быстро освободят». Но военком, зная какая

сложилась обстановка, настоятельно рекомендовал другу уехать в Баку. Чергисби отказался. По словам Хасимат, в царские времена, когда отец учился в кадетском корпусе в Темир-Хан-Шуре, у них некоторое время жил легендарный абрек Зелимхан. Но новая Советская власть считала Зелимхана народным героем, и поэтому Чергисби не мог поверить, что его могут арестовать за знакомство со знаменитым абреком из Харачоя. Но случилось страшное: Чергисби арестовали в период между 1924-1927 годами. Точной даты, к сожалению, не помнит никто из потомков.

В день, когда арестовали отца, Хасимат собрала в сундук военный мундир и саблю отца и отнесла в хлев. Хотела с наступлением темноты закопать вещи в надежном месте. Но до наступления ночи кто то из нечистых на руку односельчан украл спрятанные реликвии. Была безвозвратно утеряна именная сабля, подаренная легендарным командармом Болатханову. Был арестован и расстрелян человек, который отдал все силы на борьбу с белогвардейцами в первые годы становления молодой Советской власти.

В период, когда за неосторожно сказанное слово или по анонимному доносу могли арестовать и расстрелять любого человека, 20 октября 1937 года решением «тройки» были арестованы и позже расстреляны брат и сыновья Чергисби Болатханова –Тохтаби Болатханов, Самад Чергисбиев и Магомед Чергисбиев. Самада Чергисбиева объявили кулаком. На момент расстрела в его собственности находилось 17 лошадей. А Магомеда арестовали по надуманному доносу, обвинив в пособничестве абрекам.

Старший брат Зайнди – Докка прекрасно помнил день, когда арестовали его отца и дядю. В тот день, рассказывал Докка, они бежали домой вместе с другом Алусом Илясхановым. Возле дома они увидели, как между тремя вооруженными солдатами шли арестованные Магомед и Самад. Магомед крикнул сыну: «Кант, МуцГурна Годеш хилалахь!» («Сын, помогай МуцГуру!») Свою жену Магомед называл «МуцГур».

Позже, Зайнди не раз посылал запросы в государственные архивы Буйнакска, Ростова-на-Дону, Махачкалы. Но нигде данные о судьбе пропавших без вести родственников ему не были предоставлены.

После ареста у Магомеда остались жена, четыре сына – Докка, Аблулхаким, Абдулхажи, Зайннудди и дочь Махаржат. Зайнди было полгода, когда арестовали и расстреляли его отца.

23 февраля 1944 года семья Магомеда Чергисбиева вместе со всеми вайнахами была репрессирована. В ссылке Ровзет Чергисбиева с детьми попала вначале в хутор Ортапша Булаевского района Петропавловской области в Северном Казахстане. Затем они были переселены в село Карадуга того же района.

«...Я был в этих местах, где жил мой отец во время высылки, – рассказывает племянник Зайнди, сын старшего брата Докки – Умарпаша Чергисбиев. – Села Карадуга уже не существует. На месте села чистое поле. Сохранилось лишь кладбище, где похоронены чеченцы и ингуши, умершие за тринадцать страшных лет ссылки».

Семье Чергисбиевых повезло: они все выжили в этих страшных и тяжелых условиях. Сестра Махаржат вышла замуж. Она умерла после возвращения из ссылки в 1958 году. Двое ее сыновей ныне живут в селе Яман-Су.

Чергисбиевы вернулись на малую Родину в 1957 году. Несмотря на всякие препоны, сразу поехали

Зайнди Чергисбиев

Зайнди Чергисбиев с племянников Умарнашой

в Юрт-Аух, переименованный в Калинин-Аул. Многое пришлось пережить. Их пытались выдворить из села, как и многих тех, кто возвращался домой в те времена. В течение трех лет им пришлось жить в бараках лесхоза, их штрафовали, применялись различные методы запугивания. Но семья Чергисбиевых не уехала из родного аула, выдержала все нападки и козни.

Интерес к музыке у Зайнди Чергизбиева проявился в раннем возрасте. Видимо, сыграло то, что он с раннего возраста слышал чарующие звуки виртуозной игры на дечиг-пондаре старшего брата Докки. Мальчик, забыв все свои детские шалости, мог часами сидеть рядом с братом и слушать его игру.

После же возвращения из ссылки Зайнди решил профессионально заниматься музыкой. Подал документы в Дагестанское музыкальное училище в Махачкале. Когда были сданы успешно все вступительные экзамены, его отозвала в сторону русская женщина, сотрудница училища, и сказала, что учиться в училище из-за предвзятого отношения ему не дадут. Зайнудин спросил: «А что мне делать? Я люблю музыку и хочу профессионально ею заниматься». «Езжай в Грозный и поступай там», – ответила та.

В тот же день, забрав документы, с братом Доккой на мотоцикле они с Махачкалы едут в Грозный. И сразу после первого прослушивания его принимают в Грозненское музыкальное училище, одно из самых лучших учебных заведений подобного типа на всем Северном Кавказе.

С большой теплотой и с особой благодарностью вспоминал Зайнди своих бывших преподавателей и наставников: это Леонид Шаргородский, впоследствии декан Казахской государственной консерватории, Михаил Бронштейн (теория музыки), Владимир Ашкинази (оркестровка), Анатолий Гризбил (композиция), Майна Снитко (класс фортепиано), Григорий Мищенко (класс народных инструментов). Благодаря тому, что они сумели угадать в нем талант, их неустанной вдохновенной работе с молодым музыкантом, в Чергизбиеве выявился тот колоссальный запас творческой энергии, который позволил

ему создать такие совершенные по мастерству, берущие за душу инструментальные произведения, как «Родной Кавказ», «Солнечный край», «Любимой девушке», «Радостные горы» и др.

Успешно окончив училище по классу композиции и народных инструментов, Чергизбиев некоторое время работал в Грозном. Затем Министерство культуры ЧИАССР направляет его в музыкальную школу №12 города Гудермес, где под его чутким руководством проходили занятия учащихся по изучению нотной грамоты и игры на клавишных инструментах. В настоящее время многие из его бывших учеников работают в различных культурных учреждениях Чеченской Республики. Судьба щедро одарила Зайнди Чергизбиева талантом. Кроме композиторского и исполнительского дарования, она дала ему и хорошие организаторские способности, которыегодились ему в работе со многими музыкальными коллективами республики, которым в 60-е годы прошлого века приходилось начинать, как говорится, с нуля.

Так, в 1967 году, в возрасте 27 лет, молодой композитор создает и долгие годы возглавляет инструментальный ансамбль Гостелерадио ЧИАССР. Также было и с коллективом «Шовда», с которым Зайнди успешно представил искусство чечено-ингушского народа на Днях литературы и искусства ЧИАССР в 1973 году в Москве. А в 1985 году создал и возглавил оркестр Чечено-Ингушского государственного ансамбля «Вайнах». Здесь он совмещал сразу две должности – музыкального руководителя и дирижера.

В числе творческих удач композитора – «Праздничный танец» и девичий танец «Цветок». Танцы эти были поставлены балетмейстером, заслуженным деятелем искусств ЧИАССР Тапой Элимбаевым, а Зайнди Чергизбиевым написана музыка к новой программе, поставленной к 50-летию Государственного ансамбля «Вайнах». Эта программа была восторженно принята не только в Чечено-Ингушетии, но и во многих странах. В Турции ансамбль стал лауреатом международного конкурса, заняв первое место среди хореографических коллективов. В Италии завоевал «Гран-при». В Иордании удостоился самой почетной сцены – выступал в королевском дворце. Концертная программа ансамбля во время его выступления в Германии начиналась с увертюры, написанной Чергизбиевым специально для этой поездки. Блистательным было и турне ансамбля с этой программой по городам Сибири и Урала.

Подлинными знатоками национального искусства всегда высоко ценили композиторское дарование и музыкальные сочинения Зайнди, в которых композиционная техника, эмоциональный настрой, глубина мышления достигают большой силы. Именно такова музыка, написанная им к телеспектаклю «И камень плавится» по мотивам рассказов С. Юсупова. Подобно этой и музыка к кинофильмам режиссера Ильяса Татаева «Песня Малики» и «Даймохк». Под чутким попечительством Зайнди Чергизбиева росло вокальное мастерство начинавших в те годы певцов: Мовлада Буркаева, Лейлы Мусаевой, Бембулата Тимурзиева, Зелимхана Дудаева, Апти Далхадова, Магомед Ужахова, Магомед Ясаева, Имрана Усманова, Тамары Дадашевой, Мустафы Барахоева.

Зайнди Чергизбиев не просто чеченский композитор, он вайнахский композитор, потому что создавал музыкальные произведения и внес большой вклад в развитие не только чеченского, но и музыкального искусства ингушского народа. Им написана музыка к словам Хусейна Сатуева, Саида Чахкиева, Раисы Ахматовой, Ахмеда Хамхоева, Ахмада Сулейманова, Хамзата Осмиева, Мусы Дудаева, Шаида Рашидова, Виктора Богданова, дагестанского поэта Саида Амирова. Глубоко чувствуя и зная музыкальный язык фольклора, он в самом начале своего творчества создает произведения, в основе которых лежит

подлинная народная традиция: «Фантазия на кавказские народные темы», «Ингушский танец», «Родной Кавказ», «Чеченский танец», «Дагестанский танец» и др.

В Москве, во время совместного концерта, Народный артист СССР Муслим Магомаев предложил Чергизбиеву перебраться в столицу. Ответ Зайнди был лаконичен: «Я учился и работаю, чтобы поднять на высокий уровень чеченскую культуру. И не собираюсь из Грозного уезжать». Звали его и в Дагестан, в ансамбль «Лезгинка».

В 1991 году распался некогда могучий и монолитный Советский Союз. Все экономические и культурные связи были разорваны. Это сильно ударило по культурной жизни и Чечено-Ингушетии.

Последовавшие за распадом политические процессы привели к кровавым конфликтам на окраинах бывшей страны. В период начала военных действий в республике Чергизбиев жил в Грозном. Однажды, когда он вместе с товарищем возвращался с работы домой, в районе площади «Минутки» они попали под вертолетный обстрел. Товарища Зайнди смертельно ранило, и тот умер у него на его руках. И только много позже Зайнди заметил, что сам он тоже ранен осколком в голову.

Об инциденте он не рассказывал никому из родственников. Всегда ходил в головном уборе. Но даже будучи полностью слепым, он тщательно следил за своим внешним видом. И когда однажды пригласили на дом парикмахера, тот обнаружил шрам на голове. И тогда Зайнди рассказал о ранении парикмахеру, предварительно спросив: «Мы одни в комнате?» Все это слышал племянник Зайнди – Умарпаша Чергисбиев, который попросил парикмахера скрыть то, что он находится рядом.

Чуть позже ему пришлось покинуть на время Грозный, но без дела оставаться не мог: начал преподавать музыку студентам Хасавюртовского педагогического колледжа. Здесь его все уважали. А многие и гордились тем, что им довелось работать бок о бок с гениальным композитором.

В период между первой и второй чеченскими военными кампаниями Зайнди призвали обратно в Чечню. И он, не имея практически никакой материальной базы, преодолевая все тяготы, начал возрождать фольклорный ансамбль. «Оркестр собирали в летнем саду, – рассказывал Зайнди Чергизбиев. – Там же и репетиции проводили». Как говорится, работа на голом патриотизме и энтузиазме изначально была обречена на провал. Но к Зайнди это ни в коей мере не относилось: им двигала любовь к своему родному краю, мечта о возрождении чеченской культуры. И как мог, в меру сил и возможностей, не ропща на трудности, он делал свое дело, внося немалую лепту в это благородное дело.

С началом военных действий осенью 1999 года родственники настояли на том, чтобы Зайнди уехал. Он оказался в Ингушетии, где снова нашел себе дело: работал в детской студии искусств в Карабулаке.

«...Жил в своем кабинете. Спал прямо на диване, соорудив перегородку. Здесь же находился и инструмент, – вспоминал Зайнди. – Так и работал вплоть до 2000-го года». Зайнди принимал участие в музыкальном конкурсе исполнительского мастерства в числе преподавателей школ искусств Ингушетии, где он исполнил свои три вещи: инструментальные композиции «Легенда вайнахских гор», «Концертная лезгинка» и «Фантазия на темы Чечено-Ингушских народных мелодий». Исполнение очаровало зал, и Чергизбиеву было присуждено первое место.

Как-то к нему приехал известный танцор, много лет работавший в ансамбле «Вайнах», заслуженный артист ЧР Докка Мальсагов с предложением собрать творческий коллектив в Нальчике, и параллельно

было предложено взять шефство над детским танцевальным коллективом в Москве. Но тяга к родному «Вайнаху» была сильнее и материальных благ, и семейного покоя в далекой, но спокойной Москве, и Зайнди уехал в Нальчик. Однако идея возрождения творческого коллектива, по не зависящим от них обстоятельствам, провалилась. Тогда Чергизбиев там же, в Нальчике, принялся помогать Рамзану Ахмадову с подготовкой программы детского танцевального ансамбля. Так сложилось, что ансамбль уехал в Италию на гастроли без Зайнди, у него начали нещадно болеть глаза.

Начались бесконечные хождения по врачам. Из Нальчика Зайнди уехал в Кисловодск, в офтальмологическую клинику «Эпармо», но врачи и здесь ничем помочь не могли. Боль не проходила. Не было никакой возможности работать.

В Эссентуках у Зайнди была небольшая квартира в аварийном доме. Там и остановился, долго излечивался от недуга, но безрезультатно – он полностью потерял зрение.

Пошли слухи, что он погиб. Родственники долго и безуспешно искали его, но не могли найти. Племянник Чергизбиева, Умарпаша Чергизбиев подал заявление в Казбековский РОВД, но те отказались его искать. Тогда он написал письмо на имя министра внутренних дел РФ Грызлова. Оттуда пришел ответ на имя министра внутренних дел Дагестана. И последовала жесткая реакция на Казбековский РОВД. Но сотрудники внутренних дел не могли его найти. Начальник милиции посоветовал Умарпаше написать письмо в программу «Жди меня». Написали и туда. Но результата не было. Жесткий и требовательный прежде всего к себе, интеллигент до мозга костей, Зайнди никогда не рассказывал о своих проблемах родственникам. Найти его помог «его величество» случай.

Односельчане Зайнди – Юсуп Магомедов и Иса Абакаров, поехали отдыхать в лечебно-оздоровительный курорт в Эссентуки. Прогуливаясь по городу, они встретились с Зайнди, который, стуча тросточкой, шел по тротуару. Тот рассказал, что остался почти без зрения и что за ним ухаживает социальный работник Любовь Романовна, очень справедливая и честная женщина. Побывали у него дома. Юсуп и Иса рассказали близким родственникам Зайнди, где он находится. Дочь Айна, вместе с двоюродной сестрой, сразу поехала к отцу. Хотела забрать его в родовое село. Но Зайнди заупрямился. В следующий раз, когда поехали к нему, он, наконец, дал согласие и на короткое время приехал к дочери. Через неделю согласился остаться у дочери навсегда.

Худошавый, всегда подтянутый Зайнди, несмотря на слепоту, каждый день совершал прогулки по двору. Всегда тщательно следил за своим внешним видом. Очень хорошо ориентировался на местности. Племянники часто возили его на прогулки в Грозный. Как-то, оказавшись на берегу Сунжи, он каким то чутьем узнал место, где они находились и рассказал, что именно на этом мосту через Сунжу он написал 90 процентов своих музыкальных произведений. Прекрасно помнил город по памяти, так как в прошлом ходил по городу всегда пешком, редко пользуясь транспортом.

Он рвался работать, писать новую музыку. Всегда говорил, что если бы был рядом человек, владеющий нотной грамотой, то мог бы написать новые музыкальные произведения.

«Цены тебе не знает наш народ. Одареннейшая личность, каковых очень мало сегодня среди нас. Редкий божий дар и талант... Как можно допустить, чтобы такой мастер музыки оставался невостребованным, забытым?!» – такие слова были написаны о Зайнди Чергизбиеве Маликой Абалаевой в статье

«Сыграй, маэстро» в газете «Вести республики» от 15 июня 2012 года.

«...Поэтому, когда слушаешь музыку Зайнди Чергизбиева, «сердце бьется одновременно и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Как из глубины каменного пласта, хранящего память тысячелетий, пробивается наверх родниковая свежесть, так музыкальный настрой народной души находит выход через творчество художественно одаренной личности».

«Однажды у Зайнди Чергизбиева спросили: «Нет ли желания прервать более чем сорокалетние занятия музыкой – этот тяжелый физический и духовный труд, в котором нет успокоения ни днем, ни ночью, нет никогда полной удовлетворенности?» Композитор ответил: «А разве устают от любви? Ведь музыка для меня – любовь, к людям к родной земле, родному народу, ко всему миру. Музыка для меня – состояние души... Это мое дыхание!» – так писал о нем ингушский поэт Гирихан Гагиев в газете «Сердало» 11 июля 2000 года.

Зайнди жил музыкой. И не творить, не заниматься любимым делом для него было хуже смерти. Как истинный чеченец, соблюдающий все кодексы чести настоящего горца, от природы скромный и очень жесткий и требовательный, прежде всего к себе самому, Зайнди никогда не выпячивал свое «я».

Позже, благодаря стараниям неравнодушных людей, Зайнди встретился с министром культуры ЧР Хож-Бауди Дааевым. Ученик Чергизбиева, известный чеченский певец, Народный артист Чеченской Республики Сахаб Межиев говорил, что не раз слышал исполнение музыки, написанной Зайнди Чергизбиевым, исполнителями которой утверждали, что музыку написали они.

Чергизбиев поселился в Грозном. Ему была выделена комната в Доме артистов. В течение трех месяцев была полностью обновлена его музыка, программы его выступлений. Руководил репетициями Рамазан Багатаев. Племяннику Зайнди, Умарпаше Чергизбиеву, журналист и старинный друг Чергизбиева, Имран Ирисханов привез диск с обновленными записями. Во времена, когда Зайнди был руководителем ансамбля «Вайнах», Имран часто брал у него интервью.

Потом резко обострилась болезнь, и Зайнди уже не смог работать.

Зайнди Чергизбиев ушел из жизни 14 мая 2019 года. Не стало талантливого композитора, который является автором многих гениальных произведений.

Несмотря на то, что перестало биться сердце настоящего патриот, его музыка будет жить вечно. Она более сорока лет звучала и звучит с экранов телевизора и на волнах радио. Музыку Чергизбиева можно найти и в интернете.

Театральные подмостки

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА

**«...А если разлюблю – настанет хаос»
(«Отелло» на чеченской сцене)**

Чеченский драматический театр им. Х. Нурадилова предложил свое прочтение шекспировского «Отелло» в постановке известного российского режиссера Романа Мархолия. И покрытая нафталином классика стряхнула пыль веков и зазвучала современно, дерзко, по-новому глубоко.

Трагедия «Отелло», несмотря на простой, казалось бы, сюжет, в основе которого бытовое убийство из ревности, представляет собой одно из самых сложных произведений У. Шекспира. Ведь в ее подтексте – философский аспект борьбы добра со злом, социальный аспект взаимоотношений человека и среды и, конечно, вечные темы: любви, дружбы, предательства, доверия, верности. Антагонистами в пьесе выступают Отелло (герой, идеалист, мечтатель) и Яго (мерзавец, циник и интриган). Образ Яго сгущается режиссером до полного олицетворения с дьяволом-искусителем. Это он находит в душах слабые места и манипулирует людьми, как шахматными фигурами, заставляя выполнять нужные ему ходы: Кассио, Родриго, Эмилия, Дездемона, Отелло – все они лишь марионетки в руках сил зла. Он сеет и возвращает зерна сомнений, провоцирует героев, разносит сплетни, клеветает, для его реплик на сцене используется кинематографический прием стоп-кадра, который подчеркивает, кто «режиссирует» разворачивающееся

Дездемона (Мадина Пицугева), Отелло (Магомед Умаров)

«действие»: все на секунды замирают, пока Яго выдает очередную порцию коварства, лжи и подлости. Его появление сопровождается рок-музыкой, пластика и голос актера Рамзана Умаева органично реализуют замысел – представить героя не просто «отрицательным персонажем», а исчадием ада, чертом в человеческом обличье. И фонари, которые порой держат в руках участники спектакля, символизируют не поиск света, а кромешную тьму, в которую с каждой минутой все более погружаются герои, находясь во власти бесовских увещаний. Интересно, что в этом спектакле Отелло и Яго выступают антагонистами не только по своему духу, но и по психотипу. Яго экспрессивен, выразителен, ярк, в то время как Отелло уравновешен, спокоен, к чему зритель, в общем-то, не привык, ведь в нашем представлении сложился стереотип эдакого ревнивца, который убивает жену именно потому, что не может обуздать свой бурный темперамент и хладнокровно взглянуть на ситуацию, разобраться в ней. Артист Магомед Умаров внешне фактурен, но его герой очень сдержан в проявлении своих чувств. Порой кажется, что даже флегматичен. Это случайность? Недоработка? Или все же намеренная попытка отойти от сложившегося в течение столетий шаблона наивного ревнивца-мавра, готового вспыхнуть в любой момент. Нет, Отелло в этой версии находится в гармонии с собой, он влюблен, но не ослеплен, не случайно он говорит Дездемоне: «Люблю тебя, а если разлюблю – настанет хаос». В этом сила Зла и его победа – лишить человека основ его существования, разрушить изнутри даже сильную, уверенную в себе личность, растоптать любовь, гармонирующую мир, породить хаос...

Эмилия (Хава Ахмадова)

Создатели спектакля тяготеют к постмодернистской символике и авангардизму во многих проявлениях: цвет, звук, свет, различные сценографические находки (сценография В. Ковальчук) – все подчинено раскрытию авторской идеи борьбы света и тьмы и превосходства последней в том случае, когда люди, даже безупречные и благородные, теряют бдительность и начинают думать, что пассивное добро способно противостоять энергичному злу.

Слева на авансцене – античная колонна с крылатым конем, который является покровителем различных видов искусств – танца, поэзии, музыки... А что есть театр, если не синтез всех искусств? В то же время Пегас символизирует в древнегреческой мифологии невинность, жизнь и свет. Олицетворением этих качеств в трагедии является Дездемона. Полная жизни, искренняя, любящая, чистая, она оказывается жертвой злого рока. Актриса Мадина Пицуева – красивая, нежная и хрупкая внешне – придала характеру своей героини несколько выразительных штрихов,

Яго (Рамзан Умаев)

которые позволят запомнить именно эту интерпретацию образа. Она по-детски восторженна, упряма, простодушна, кокетлива, даже взбалмошна, но это внешние черты ангела во плоти, которым движет сияние любви и который является полной противоположностью Яго. Ее судьба и жизнь становятся разменной монетой в руках вездесущего зла, выбирающего в качестве своей мишени душу Отелло и губящего ее. Из рук жено- и самоубийцы Отелло в зал скатываются, звеня и подпрыгивая, монеты... Что же движет Яго? Тщеславное желание добиться повышения по службе? Зависть к таланту военачальника Отелло, к его успеху в любви? Жажда мести за то, что предпочел возвысить другого или имел интрижку с Эмилией? Ненависть? Все это видимые импульсы его деяний, скрывающие истинное намерение дьявола – уничтожить красоту во всех ее проявлениях: любви, дружбе, верности... Концепция Р. Мархолия вступает в диалог с набившей оскомину фразой Ф. Достоевского: «Красота спасет мир» – и практически опровергает ее, демонстрируя иллюзорность и тщетность наших извечных надежд.

Справа – фортепиано, к которому периодически подходят персонажи спектакля, играя на черно-белых клавишах жизни... «Жизнь – она гадальная, карточка игральная», – поет на пьяном шабаше матросов куртизанка Бьянка. Отелло вышел победителем в битве с турками и во многих других сражениях, но своего настоящего врага – змея, душащего его изнутри, преодолеть не сумел. Для Дездемоны красота Отелло – в его подвигах, для него же – в «горячности души» любимой. И тот, и другой тип красоты губит дьявол.

Подспудно звучит актуальная тема: сильные мира сего вершат его судьбы, на сцене спроецирована огромная карта: Кипр – Турция – Родос... Такие выдающиеся полководцы, как Отелло, или простые матросы, не осознавая этого, лишь инструменты в руках «шайтана войны». Кавер-версия известной композиции Джеймса Брауна (можно сказать, черной легенды американской поп-индустрии) «This Is a Man's Man's Man's World» («Это мужской, мужской, мужской мир!») от UZ JSME DOMA & RANDY из альбома «Moravian Meeting» («Моравская встреча», 2020 год) пронесит через весь спектакль идею доминирования воинственного, разрушающего начала на Земле. Сама песня еще в оригинале представляет собой смешение блюза, джаза, соула и рока. В новой же аранжировке она звучит еще более современно и агрессивно. В то же время в рамках спектакля – саркастично по отношению к тем, кто мнит себя «героем»: так жалки и низки помыслы Яго, так несоизмерим талант полководца Отелло с его неспособностью контролировать собственные эмоции и поступки в личной жизни. Голограмма «шпиона», который «включается» во время совещания в военной ставке – еще один пример авторской иронии.

Как известно, в постмодернистской культуре ирония является методом косвенного мышления, способом постижения истины и средством, благодаря которому существующие истины ставятся под сомнение. Маскулинность этого мира подвергается авторами спектакля изощренному «троллингу». Отелло – образец мужественности, но как им легко манипулировать. Он принимает видимость за сущность и по-

Дездемона (М. Пищуева), Эмилия (Х. Ахмадова)

Венецианский дож (А. Джамаев)

тому так глубоко ошибается. И сколько таких «заблудших» среди нас, кому внушают, что черное – это белое, а белое – это черное, кто перебирает клавиши фортепиано или аккордеона (оба инструмента фигурируют на сцене) и не осознает, что ему отведена роль марионетки в очередной постановке кукловода.

Спектакль представляет собой яркий образец «новой драмы» и выполнен в эстетике авангардно-постмодернистского искусства, в котором смешаны жанры, стили, эпохи, языки, культуры... Интересный ход – языковой микс: герои переходят с чеченского языка на русский и наоборот, причем совершенно неожиданно, как будто спонтанно, потому что топос и хронос условны, а темы вечны, и нет им границ, не существует для них ни времени, ни пространства, ни национальности... Звучат

песни на английском, русском, немецком языках... Яго напевает «Аве Мария» на немецком языке – еще один элемент авторской иронии, отсылка к немецкоговорящему Мефистофелю из «Фауста» Гете, а сама католическая молитва к Деве Марии, именуемая также «Ангельским приветствием», в устах Яго звучит кощунственно, подчеркивая его цинизм. Вся ткань спектакля «напичкана» подобными аллюзиями, зрителю остается лишь «считывать» посылаемые знаки в меру своей эрудиции и мировоззренческих установок. Не случайно на театральных подмостках появляется Дама-сигнальщица.

Оригинальным решением является выполнение игровой зоны сцены в форме трапеции, которая к тому же находится под наклоном. Фигура трапеции представляет собой усеченный треугольник и действует на подсознание зрителя, визуально отталкивая и раздражая своим несовершенством, ведь до полного треугольника ей не хватает вершины. А трапеция под углом и вовсе сигнализирует об отклонении от нормы.

Стоит отметить работу художника по костюмам Ф. Сельской, поскольку одежда героев точно соответствует замыслу режиссера и представляет собой, во-первых, эклектику стилей и эпох, во-вторых, встроена в общий символично-пластический образ спектакля: роскошный костюм Венецианского дожа эпохи Возрождения (Амран Джамаев), особенно впечатлила знаменитая парчовая шапка дожа в форме рога – символ власти и церемониальный атрибут. Белое кашемировое пальто Дездемоны и алое, как артериальная кровь, платье перед кульминационной сценой убийства вполне могли бы встретиться нам в современных итальянских бутиках. Эмилия, ставшая вольно или невольно соучастницей преступления, предстает в красном пальто, которое могло бы стать трендом этой весны с учетом геополитических обстоятельств. Черные солнцезащитные очки Отелло, скрывающие от него истинное положение вещей, и очки для зрения, которые не помогли слепцу разглядеть истину. В сценографии спектакля множество

В центре: режиссер Роман Мархалиа

деталей, концентрирующих внимание зрителей на безумии происходящего действия.

Стоит отметить и созданный Хавой Ахмадовой образ служанки Дездемоны – Эмилии, жены Яго, ставшей орудием в руках коварного змея-искусителя. Актрисе в этой роли удалось передать внутреннюю борьбу в душе героини, находящейся в сложных отношениях со своим мужем и мечущейся между добром и злом.

В цветовой палитре «Отелло» доминирует символика белого, красного, желтого и синего цветов, причем не только в одежде. Брачное ложе, ставшее саваном Дездемоны, кипенно-белого цвета. Ее белый платок в руках Яго приобретает кроваво-красный оттенок. Тюрбан Бьянки (антипода Дездемоны), сыгравшей не последнюю роль в стечении трагических обстоятельств, – алый.

Синий воспринимается как спокойный и сильный цвет. Он призван расслаблять и приносить ощущение мира и гармонии. Бескрайнее небо, глубокий океан, прохлада и свежесть – это ассоциации, которые у человека вызывает синий. Дездемона в синем жакете с двумя рядами пуговиц на манер военно-морской парадной формы, на Отелло голубая рубашка. Синяя полоса поднимается над сценой, символизируя сначала небо Венеции, затем Кипра, мировую гармонию, а также половодье чувств, в котором растворились Дездемона и Отелло.

В сценах, в которых Отелло постепенно сходит с ума, поднимается полоса желтого цвета. Как известно, желтый – это цвет безумия. Именно желтый цвет, по многочисленным исследованиям, вызывает даже большее возбуждение, чем красный. Больные шизофренией предпочитают желтый цвет, под действием галлюциногенных препаратов люди рисуют желтые картины.

Багровая полоса опускается на фоне интриг Яго, убеждающего Отелло в неверности молодой супруги и предвещает кровавую развязку драмы. Также на фоне красной полосы провокатор напевает «Аве Мария», играя в руках белым платком Дездемоны.

Черная полоса в финале трагедии зловеще ассоциируется со смертью, но бегущая по ней строка со словами «Нет сил смотреть...», завершающая спектакль, резко снижает заданную патетику, низводя трагедию до уровня гротеска, являясь прямой издевкой и над современными реалити-шоу, и над сентиментальным зрителем, сопереживающим героям.

Что ж, данная постановка являет собой яркий образец так называемой «актуализированной классики», то есть классики в современном прочтении, с большими отступлениями, более заточенными на современного зрителя. Вечные темы находят свое переосмысление, привычные декорации изменяют форму, а неординарное видение режиссера помогает раскрыть новые грани нетленного произведения. Эксперимент удался? Эксперимент удался.

Эмилия (Х. Ахмадова), Отелло (М. Умаров), Дездемона (М. Пицуева)

Кунацкая Наны

Салих ГУРТУЕВ
(1938 – 2020)

Салих Султанбекович Гуртуев – известный балкарский поэт, писатель и переводчик, Заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарии, народный поэт Кабардино-Балкарии и Республики Калмыкия. Родился в 1938 году в с. Белая Речка под Нальчиком. Окончил филологический факультет Кабардино-Балкарского университета. Автор более 25 книг поэзии и литературных эссе. За перевод на балкарский язык поэмы «Витязь в тигровой шкуре» был удостоен звания «Почетный гражданин города Тбилиси. Заметным вкладом в развитие балкарской литературы явились сборники стихов на родном языке: «Кручи», «Примите в гости», «Чаша бытия», «Нежность души», «Четыре яблони», «Полдень»,

«Пройденный путь», «Высокие тени», «Свет звезд», «Вехи века», «Кайсын, каким его я знал» и другие. Он автор переводов на балкарский язык произведений Пушкина, Лермонтова, Мицкевича, Есенина, Маяковского, Тихонова, Айтматова, Евтушенко, Рубцов. На русском языке в Москве и Нальчике издано шесть сборников.

КАВКАЗ

Венок сонетов

1

Кавказ, чтоб посвятить тебе сонеты,
Давно пришла пора, – из них венок
Сплету тебе в честь новой жизни этой,
В честь славных дел, которым ты – исток.

Когда на небо глянула весною
Трава, – Гагарин глянул на меня
Из космоса, мой путь соединя
С путем отца, что пал на поле боя

За правду бытия, за взлет орлиный
Своих сынов – сквозь тучи напролом,
Внизу оставив белые вершины!

Сказать о том, что создано трудом,
Преобразившим горы и долины, –
Опять вооружаюсь я пером!

2

Опять вооружаюсь я пером,
Как мой отец мечом вооружался,
Когда за знамя правды он сражался
За мир, в котором мы сейчас живем.

Я подрастал порой послевоенной,
И крепко помнил я отца наказ:
«Кавказ – да будет навсегда священной
Название это для тебя, для вас!»

Пускай они, состарившись, ушли,
Или погибли, бурями отпеты, –
Мы, нынешние жители земли,

Храним тех первых воинов заветы.
И им верна, – как дни б мои ни шли, –
Вся жизнь моя – зима в ней или лето.

3

Вся жизнь моя – зима в ней или лето
Приходят в свой земной урочный срок, –
Несет зарю кавказского рассвета,
Чтоб я врага и друга видеть мог.

В их истинном, в их подлинном обличье,
Мне ясно, как надежно сплочены,
Как в помыслах едины и дружны
Те, что постигли наших гор величье!

Буденовские конники лихие,
Звезду, что красным вспыхнула огнем,
Пронесшие сквозь годы и стихии,

Остались не во времени былом,
А в нас, чья жизнь и в годы трудовые
Огнем твоим всегда был озарен.

4

Огнем твоим всегда был озарен,
Та стойкость душ, кому Кавказ – опора.
И на Кавказ в стремлении своем
Похожи мы, как камни гор – на горы.

Мы зоркий унаследовали взгляд
От тех, кто видел высоту воочью.
И свет его в сраженьях с вражьей ночью
И отстоял и сохранил солдат.

Когда и камни кровью истекали,
Не ведал страха в праведном бою
Советский воин, – сердцем тверже стали

Он был, спасая Родину свою,
Чтоб, одолев задымленные дали,
Жизнь пролагала к счастью колею.

5

Жизнь пролагала к счастью колею,
Хоть то муку, а то золу сквозь сито

Просеивать случалось. В том краю,
Где рос я, было все войной изрыто.

Но как-то мать, в котле над очагом
Помешивая кукурузы зерна,
Сказала: «Жить не сытно – не позорно,
Позорно преклониться пред врагом!

Пусть мало хлеба, топлива в обрез, –
Зато в боях одержана Победа!
И не померкла синева небес!»

Пусть пряди матери от горя седы, –
Жизнь возродилась. Вновь мой край воскрес,
Как жёрнов, перемалывая беды.

6

Как жернов, перемалывая беды,
Дорогою своей Кавказ идет.
Как за звездой путеводной, следуй
За ним сквозь дни сражений и работ!

Хватает всем и топлива, и хлеба,
И крепки стены нового жилья.
Но почему с тревогой мать моя
Порою на голубое смотрит небо?

Деревья мира возле родников
Сажаем мы, и верим как в приметы,
Что им шуметь под сенью облаков,

Что силам зла не истребить планету,
А жизнь вперед на длинный ряд веков
И в сердце вижу я лучами света.

7

И в сердце вижу я лучами света –
Россия защищала жизнь мою.
Теперь она не примет злых наветов,
С большой надеждой на неё смотрю:

Не сердцем ли, отзывчивым и чутким,
Спасла она сердца своих больных?
И добротой возвращает их
В прекрасный мир, к работе, песням, шуткам.

В своей судьбе я моего народа
Расцвет и обновление узнаю:
Страна ему открыла путь к свободе,

И в нашем горном каменном краю,
Вперед ведя нас через все невзгоды, –
Россия освещала жизнь мою.

8
Россия освещала жизнь мою.
Всех сыновей балкарских, всех горянок,
И всех российских женщин воспою,
Чью жизнь овеял шелк знамен багряных!

Твоих, Кавказ пылающих знамен,
В их отсвете мне виден день грядущий, –
Цветы лугов, лесов зеленых пуши,
Сад, что от бурь надежно заслонен!

Тревожною заботой мы полны
О каждом восходе, о травинке малой, –
Чтоб в сад дыханье бури иль войны

Коварною змеей не проникало!
Мы в испытаниях закалены,
Хоть путь нелегок наш, тверды, как скалы!

9
Хоть путь нелегок наш, тверды, как скалы
У нас сердца: как деды и отцы,
Стоим на страже, чтоб не посягала
На нас беда. Минувших лет бойцы.

Огонь свой передали по наследству
Сынам и внукам. Нынешний солдат
Хранит покой полей и горных гряд,
И сладкий сон безоблачного детства.

Резвится дочь моя. Кораблик в луже
Пускает мой сынок. Горит очаг.
Жена счастливая прильнула к мужу.

Под мирным небом вьется мирный стяг.
Но на постах стоят во всеоружье
Наследники буденовских атак.

10
Наследники буденовских атак
У танков, у ракетных установок
Глядят туда, где скрыть не сможет мрак
Хитросплетенья вражеских уловок.

Им видно многое с высот времен,
Как пастухам кавказским – с высей горных.
Носитель черных дел и мыслей черных
Народами да будет заклеимён!

Нет в мире нынче места, где б свой след
Российская заря не оставляла, –
Не наложить на свет ее запрет,

За мир планета проголосовала,
И все, кто войнам властно молвил: «Нет»
Несут в сердцах, Кавказ, твой отблеск алый!

11
Несут в сердцах, Кавказ, твой отблеск алый
Все ярые противники войны,
И каждый, ставший капелькою малой
В движенье закипающей волны

Борьбы за избавление от гнета
И нищеты! Свободолюбья вал
По всем морям и странам пробежал,
Проник во все долготы и широты!

Я слышу голоса Вьетнама, Кубы,
Я вижу, как на голубых ветрах
Уносятся мелодии, что трубы

Выводят в обновленных городах.
Они звучат, – да так, что сердцу любо! –
Друзьям на радость и врагам на страх.

12
Друзьям на радость и врагам на страх,
Кавказ, ты семена свои посеял,
Ты на морях, в долинах и горах,
Как ветер справедливости, повеял.

И прорастали эти семена,
И оказались стойкими их всходы,
И плодоносным деревом свободы
Моя земля навек осенена.

Под этим деревом найдя приют:
Вновь силами наполнится усталый,
Здесь утро начинается свой маршрут:

Открыты вновь пути и перевалы,
Тьма отступила. Травы росы пьют.
Воркуют голуби. Вновь солнце встало.

13
Воркуют голуби. Вновь солнце встало.
В цвету – деревья моего двора.
Шумят родного города кварталы,
Веселая играет детвора.

Бросают крошки мирным птицам дети,
Растут, как молодые деревца.
И долг священный каждого отца, –
Все сделать, чтобы мир царил на свете.

Мы помним и сражений грозных даты,
Что болью отпечатались в сердцах,
И помним дни, что, празднично крылаты,

Взвивались к звездам в чистых небесах, –
Жестокий век, суровый век двадцатый, –
Судьба детей моих – в моих руках!

14
Судьба детей моих – в моих руках,
О род людской, сообщество земное.
На океанах и материках,
В полярной стуже и в пустынном зное, –

Везде, где люди есть и дети есть,
Где скот пасут, возделывают поле,
Где слышен голос радости и боли, –
Оберегай свободу, мир и честь!

Твори добро! – Как теплого дождя
Живительная влага, как рассвета
Веселый луч, что, над землей взойдя,

Подарит день, надеждою согретый, –
Так, торжествуй, рукой моей вода,
Кавказ, чтоб посвятить тебе сонеты!

15.
Кавказ, чтоб посвятить тебе сонеты,
Опять вооружаюсь я пером:
Вся жизнь моя – зима в ней или лето –
Огнем твоим всегда был озарен.

Жизнь пролагала к счастью колею,
Как жернов, перемалывая беды,
И в сердце вижу я лучами света –
Россия освещала жизнь мою.

Хоть путь нелегок наш, – тверды, как скалы,
Наследники буденовских атак
Несут в сердцах, Кавказ, твой отблеск алый,

Друзьям на радость и врагам на страх!
Воркуют голуби. Вновь солнце встало.
Судьба детей моих – в моих руках!

*Перевод с балкарского
Лазаря Шерешевского*

КУХНЯ НАРОДОВ МИРА

САЛАТ ИЗ РИСА И ЧЕЧЕВИЦЫ (РУМЫНИЯ)

Как и любая другая кухня, румынская складывалась в течение многих столетий, и особенности ее определялись не только природными условиями, но и многовековой историей. Рецепты румынской кухни объединяют в себе традиции приготовления пищи греков, турок, венгров и славян. А кухни соседей (молдавская, югославская и болгарская) имеет большое число блюд со сходными названиями. В них добавляют привычные для местного населения продукты, что делает блюда неповторимыми, колоритными и аппетитными. Для румын характерно использование в кулинарном искусстве большого количества овощей.

Ингредиенты:

(4 порции)

- 1 стакан длиннозерного риса,
- 200 г маслин (проще взять 1 банку без косточек),
- 240 г чечевицы (можно 1 банку консервированной),

- 1 морковь,
- 1 головка репчатого лука,
- 2 зубчика чеснока,
- 4,5 стакана бульона (куриного),
- 4 ст. ложки оливкового масла,
- 1 пучок петрушки,
- 1 лавровый лист.
- 2 ч. ложки лимонной цедры,
- тмин – по вкусу,
- перец черный молотый – по вкусу,
- соль – по вкусу.

Нагреть 1 столовую ложку масла в большой кастрюле. Добавить мелко нарезанные морковь, лук и чеснок. Перемешать и жарить до золотистого цвета около 5 минут. Влить 2,5 стакана бульона, положить чечевицу и довести до кипения на большом огне. Затем уменьшить огонь до среднего, накрыть крышкой и варить около 15 минут, до мягкости чечевицы. Все время хорошо перемешивать. Когда чечевица будет готова, переложить в большое блюдо.

Между тем, вскипятить оставшиеся 2 чашки бульона и лавровый лист. Когда закипит, добавить рис и снова довести до кипения. Накрыть крышкой и варить на слабом огне, пока рис не станет мягким, около 20 минут (не перемешивая). Снять кастрюлю с огня и хорошо перемешать рис большой вилкой. Переложить в блюдо чечевицей. Добавить резаные маслины, петрушку, тмин и цедру лимона. Все хорошо перемешать и заправить с оставшимися 3 столовыми ложками масла. Приправить по вкусу солью и перцем. Салат подавать на стол теплым.

МАМАЛЫГА НА МОЛОКЕ ПО-РУМЫНСКИ

Мамалыга – это традиционное румынское блюдо, которое было очень популярно у крестьян, но впоследствии приобрело широкую известность не только в Румынии, но и в Молдавии, Грузии и других странах. Раньше ее готовили в чугунном горшочке. Для приготовления использовали кукурузную муку, соль и воду. В румынской кухне есть множество способов приготовления этого продукта, и один из них на молоке.

Ингредиенты:

(5 порций)

1 стакан кукурузной крупы,
3 стакана молока,
соль – по вкусу.

Кукурузную муку мелкого помола предварительно подсушить в духовке. Вскипятить молоко (на стакан муки 3 стакана молока), тоненькой струйкой всыпать в него муку, постоянно помешивая, чтобы не образовались комочки. На слабом огне варить мамалыгу около 30 минут. Затем огонь убавить до минимума и уваривать до полного за-

густения – масса к ложке не должна прилипать. Выложить мамалыгу на доску и нарезать на куски. Едят мамалыгу вместо хлеба с любыми продуктами – особенно хороша она к мясу, шкваркам или со сливочным маслом. Готовая мамалыга долго хранится и не портится – ее можно есть как в подогретом, так и в холодном виде.

ПАПАНИШИ

Папаниши – это румынские пончики из творожного теста. Считается, что в румынскую кухню они попали из австро-венгерской. Тесто для пончиков должно быть мягким, с минимумом муки. В некоторых рецептах папанишей часть муки заменяют манкой. В отличие от обычных пончиков, при сервировке используют шарик – «дырку от пончика» что и видно на фото.

Ингредиенты:

200 г жирного и сухого творога,
2 яйца,
30 г сливочного масла,
2 ст. ложки сахара,
1 ч. ложка разрыхлителя,
120 г муки,
растительное масло для фритюра.

Творог для замеса теста для румынских пончиков должен быть однородным и воздушным. Для этого его либо протирают через сито, либо взбивают погружным блендером вместе с сахаром и солью. Как только творог приобретет нужную консистенцию, добавить яйца и растопленное сливочное масло. Размешать венчиком до однородности. По желанию добавить 1 чайную ложку лимонной цедры и половину чайной ложки ванильной эссенции. В отдельную миску просеять муку вместе с разрыхлителем. По частям добавлять муку к творогу, аккуратно размешивая.

Получившееся мягкое тесто выложить на припудренную мукой рабочую поверхность и разделить на 8 примерно одинаковых частей. Из каждой части сформовать ровный шарик.

Выемкой подходящего диаметра вырезать у шарика середину, чтобы получился пончик. Из вырезанного кусочка теста скатать шарик.

В глубокой посуде разогреть растительное масло. Объем масла регулируйте в зависимости от размера емкости, в которой будете жарить пончики. Они должны быть полностью погружены в горячее масло. Масло следует нагревать на среднем огне, чтобы пончики успели пропечься внутри и не сгореть снаружи. Определить подходящую температуру масла просто: опустите в масло черенок деревянной ложки, и если вокруг него появятся пузырьки, значит, пора жарить пончики. Обжаривать папаниши с двух сторон по несколько минут. Готовность пончика можно проверить, разломив один из них. Если он пропекся, значит можно доставать из масла и остальные. Затем обжарить шарики – «дырки от пончиков». Готовые пончики и шарики переложить на бумажное полотенце, чтобы впитался избыток масла.

Сервируют папаниши так: на порцию выделают 2 пончика, которые кладут на тарелку, поливают сметаной и вареньем, сверху укладывают шарики и поливают сметаной и вареньем еще раз.

ДРОБ С КУРИНОЙ ПЕЧЕНЬЮ (РУМЫНИЯ)

Дроб («ливер» по-румынски) – это запеканка, в которой ливер является основным ингредиентом. В Румынии дроб чаще готовят из бараньего ливера, в то же время запеканка из печени курицы отлично подойдет на ужин как в теплом, так и в остывшем виде.

Ингредиенты:

200 г куриной печени,
7 яиц,
100 г лука,
30 г чеснока,
соль, перец – по вкусу.

Из трех яиц сделать заливку. Если печени немного больше, то лучше взять еще одно. Разбить яйца в миску, посолить и поперчить. Взбить заливку венчиком до однородности.

Куриную печень необходимо приготовить

заранее. Отварить ее в течение 7 минут. Слить воду. Дать немного остыть, нарезать на небольшие кусочки произвольной формы.

Пересыпать кусочки печени в глубокую миску. Добавить туда же измельченный лук.

Четыре яйца из общего количества пойдут для начинки. Отварить их вкрутую. Порезать на четыре части (сильно мельчить яйцо нет необходимости).

Пересыпать яйца в миску к вареной печени с луком. Перемешать и посолить. Это будет основа для дроба. Пересыпать печеночную основу в силиконовую форму (глубиной в 2,5 см). Равномерно полить все заливкой и запекать при 180 С°. Запеканка из печени будет готова через 35 минут. Нарезать дроб и подавать к столу.

МАМАЛЫГА ИЗ КУКУРУЗНОЙ КРУПЫ ПО-МОЛДАВСКИ

Это национальное блюдо молдавской кухни несладкое, часто используется как гарнир к мясу, рыбе или птице. Его готовят из кукурузной муки или крупы. Мамалыгу можно подавать со всем, что вам придется по вкусу: рассольным сыром (брынзой или фетой), с твердым острым сыром, сметаной, творогом, поджаренным до хруста луком, шкварками или жареными грибами. Готовая молдавская мамалыга имеет ярко-золотистый цвет.

Ингредиенты:

(8 порций)

200 г кукурузной крупы,

500 мл воды,

1 ст. ложка сливочного масла,

0.25 ч. ложки куркумы (по желанию),

0.5 ч. ложки соли.

Кукурузную крупу тщательно промойте до чистой воды. Это необходимо сделать, чтобы вымыть весь крахмал из кукурузы, иначе готовая мамалыга будет горчить.

Переложите кукурузную крупу в ситейник с толстым дном или казан. Всыпьте куркуму и соль. Влейте горячую воду и перемешайте. Поставьте ситейник на сильный огонь и доведите до кипения. Затем убавьте огонь до минимума. Варите крупу около 7 минут, периодически помешивая, чтобы крупа не подгорела снизу. Как только видимая жидкость испарится и каша начнет пузыриться, начните мешать ее постоянно. Таким образом проварите мамалыгу около 10 минут до густоты. Затем ситейник с огня уберите. Добавьте в мамалыгу сливочное масло, перемешайте. Разгладьте поверхность мамалыги лопаткой. Накройте ситейник крышкой и охладите кашу при комнатной температуре. Остывшую кашу переверните на тарелку. Нарежьте мамалыгу на порционные куски с помощью смазанной маслом нити или ножом. Промасливать нож нужно обязательно, так как мамалыга сильно прилипает к лезвию.

БЛИНЫ С ВИШНЕЙ В СМЕТАННОМ КРЕМЕ

В молдавской кухне это блюдо называют еще «Шапка Гугуцэ», потому как по своей форме оно напоминает шапку, а Гугуцэ – это имя мальчика, персонажа из национальных сказок. Ни одно молдавское застолье не обходится без «Шапки Гугуцэ».

Ингредиенты:

(12 порций)

700 г вишни (консервированной),
400 (или 450) пшеничной муки,
5 яиц,
400 мл сметаны,
1 литр молока,
1 стакан сахара,
50 г шоколада,
100 мл растительного масла,
соль – по вкусу.

Блины: разбить в посуде 5 яиц, посолить, добавить муку и перемешать. Затем добавлять понемногу молоко – тогда в тесте не будет комочков. В готовое жидкое тесто влить растительное масло. Жарить как обычные блины. В остывшие блины завернуть вишневую начинку (консервированную вишню в собственном соку). Взбить сметану 15% или 25% жирности (чтобы не была слишком жидкой) с сахаром – и крем готов. Полученные блинно-вишневые трубочки уложить на тарелку слоями, каждый слой полить сметанным кремом. И так, слой за слоем, «растет» «Шапка Гугуцэ». Сверху присыпать шоколадной стружкой.

Рубрику подготовила Р. Берсанова

Учредитель:
Министерство
Чеченской Республики
по национальной политике,
внешним связям, печати и информации

364060 ЧР г. Грозный,
бульвар С. Дудаева, Дом Радио

Журнал зарегистрирован Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Чеченской Республике 05 февраля 2014 г.
Регистр. свид-во ПИ № TV 20-00092
Журнал выходит с 2003 г.

Директор
ГАУ «Издательский дом»
Сулиман
Мовлаевич Мусаев

Главный редактор
Сулиман
Мовлаевич Мусаев

Редколлегия:
М. Ахмадов
З. Алиева
М. Магомадов
Л. Довлеткиреева
А. Умарова

Дизайн и верстка – Нухаева З.Э.

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором
экземплярах, а также на электронных носителях.
Рукописи не рецензируются и
не возвращаются.

E-mail:
izdatelskiy_dom2019@mail.ru

Сайт: <http://www.izdat-dom.ru>

Журнал выходит один раз в квартал.
Журнал набран на компьютерной базе
ГАУ «Издательский дом».
Адрес редакции/издателя: 364024
Чеченская Республика г. Грозный,
ул. Н.А. Назарбаева, 92.

Отпечатано в типографии

364024, ЧР, г. Грозный, ул. Грибоедова, 110.

Сдано в печать 13.06.2023. Дата выхода в свет: 16.06.2023

В случаях полиграфического брака обращаться в
типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж 10 экз.

Свободная цена
Заказ № ____

На обложке: мемориальный комплекс-памятник чеченским женщинам, погибшим в 1819 году в селе Дади-Юрт.

izdat_dom_chr

izdat_dom_chr

izdatel_dom_chr

izdatdomchr

izdat_dom_chr2019

